

*В тексте сохранены некоторые особенности авторской
безграмотности.*

Евг. Алехин

Девотвенность

Е. Алехин, 2022
Ил-music, 2022

Е. Алехин
Девственность
Ил-music, 2022. — 154 с.

— *Каждая новая баба хуже предыдущей
примерно в три раза.*
Суперборис, продюсер

I

Много лет назад довелось несколько месяцев прожить с выдающейся поэтессой. Она тем не менее объяснила, что самое важное в книге прозы — два предложения: первое и последнее. Они как двустуше, передающее самую суть, как запах партнерши, позволяющий понять, возникнет ли страсть и привязанность либо у вас случится только технический перепихон. Если связать мудрость, выданную поэтессой, с оригинальным и сомнительным высказыванием Супербориса, вынесенным в эпиграф, уже получается шаткая, но все же платформа, на которой можно выстроить камерный роман, посвященный первой любви.

Но удобнее будет начать с последней дамы, то есть с антивеличины, если пользоваться измерительным прибором Супербориса. Рутинное описание последней интрижки и будет тем развернутым биноклем, в котором дальняя первая любовь будет увидена максимально четко. Чтобы не сбивать себя и читателя с толку, естественно, рассказчик обязуется сохранять пост, пока текст не будет дописан. Чтобы не разрывать форму, не калечить тело и не вводить

новые данные. Таким образом, на ближайшие полтора месяца наше исследование обретает подобие стерильной лаборатории, в которой не существует пошлого сегодня, есть только вдохновляющее вчера.

Несколько дней назад вернулся с острова Сахалин. Смысл самопальной командировки был таким: прочесть стихи, продать немного книг, чтобы окупить эту поездку, попробовать переспать с какой-нибудь девчонкой (и одинаково порадоваться как успеху, так и неудаче), искупаться в холодном море, перезагрузиться и прилететь к себе во временное пристанище, Владивосток, с новыми снимками и видео для патреона. Немного расширив свою карту мира, вернуться на Русский остров в квартиру-кабинет и написать здесь свой третий роман, у подножья которого, собственно, мы сейчас топчемся.

— Смотри, это южно-сахалинская елка! — сказал водитель.

Слева от нас уходил вдаль песчаный берег и страстно шевелилось море; справа — лиственные и хвойные деревья со скошенными кронами, отвернувшимися от воды. Нескончаемый ветер заставил их расти искривленными, будто застывшими под воем сирены беглецами. От такого вида захватывало дух, как от новой литературной формы.

— Никогда такого не видел. Прекрасно, коллеги! — сказал я. — Правда, люто впечатляет.

— Не елка, а кедр! — поправила организаторша.

— Елка, кедр, — сказал водитель. — Хуелка, хуедр.

— Наверное, мы можем остановиться тут? — спросил я.

— Саша лучший! — сказала она про водителя и вручила мне полотенце.

Побежал к морю, выбрал точку в самом центре пейзажа на белом песке — золотое сечение прибрежной зоны. Начал раздеваться: ветровка, кроссовки, джинсы голодного до впечатлений пилигрима образовали бесформенную кучку. Сентябрьский бриз продувал, но и солнце пекло.

— Если есть на свете рай — это Краснодарский кра-а-ай! — заорал я, скидывая трусы: вишенка на торте из моих тряпок.

— Нерпы! Смотри: нерпы! Они приплыли для тебя! — непосредственная радость организаторши заставила слегка смутиться. — Я тут живу столько лет, никогда их не видела так близко.

— Ну, если косатку не соблазню, так хоть нерпу, — ответил я и побежал в волны. Несколько раз нырнул с головой, вода оказалась достаточно холодной, чтобы макушку пронзило, как сосулькой. После такого освежающего укола, стоит вылезти на берег, начинаешь непроизвольно смеяться, и чувство счастья переполняет тело вместе с горячими волнами самосогрева. В предвкушении радости волны откидывали назад несколько раз. Легкий испуг: вылезти удалось только на четвереньках. Одна из нерп вынырнула и посмотрела на меня, прощаясь. Скрылась. Я отряхнулся как пес, вытерся, надел трусы и замер в полном кайфе.

— Курить будешь? — крикнул водитель. Он мерз и сутулился, держа руки в карманах, поглядывал на меня из-за седой бороды.

— В смысле распахмуриться?!

— Как?

— Дунуть в смысле?

— А в каком еще смысле?

— Не знаю пока! Может, и буду.

А что я теряю? Я ведь отказался от алкоголя, а не от всех кайфов сразу. Так что покурили через его аккуратную

трубочку. Я не знал, сколько курить: силу его наркотика не постичь по внешним признакам, поэтому упоролся хо-рошенько. Сидели в машине, глядя на волны через лобовое стекло. Организаторша стояла снаружи, раскинув руки, ловила момент, так сказать, ей-то и курить не нужно было. Играла японская инструментальная музыка. Не только мотивы были японские, название группы и композиции были написаны иероглифами. Я указал на смартфон, закрепленный на панели авто, и спросил:

— Как ты это ввел? У тебя есть японская раскладка?

— Ага, японская раскладка! Ты че, брат, накуренный, хаха?! Это дизайнер мне рекомендует. Ты знаешь дизайнер? Лучшее качество музыки, я просто в ахуе. Ничего не надо больше.

— Ты из Ростова?

— Из Грозного. Но в Ростове жил. А что?

— Говор такой, немного южный.

Я положил руки на панель и уставился перед собой. Пейзаж в окне автомобиля — как песня в секвенсоре. Шевелящаяся на ветру трава — основной рисунок ударных, а песок — украшения, которые барабанщик добавляет раз в два-четыре такта. Голубые волны — как басовая партия, однообразная, но каждый палец давит на струну по-особому, чуть интенсивнее; воздух и облака, соответственно, клавиши и гитарное соло; стая птиц — временами приближающаяся к переднему плану скрипка.

— Смотри, смотри, какой же это великий кайф, — сказал я водителю. — Спасибо. Ты понимаешь, ты тоже видишь? Мир расслоился на музыкальные инструменты.

— Конечно, я же хуйню не курю. Ты как думал? — ответил он. — Раньше тут не найти было хорошего курева. Натуральная. Я лучше совсем курить не буду, чем поку-рю хуйни.

Какое-то время он рассказывал о студенческой юности в Ростове, о том, как курил и слушал музыку в хороших

наушниках. Как его знакомый привез в 80-е из Европы чемодан аудиокассет.

Телефон водителя зазвонил, и музыка прервалась. Он начал говорить про какой-то договор, забытый курьером в офисе. У водителя была своя контора. Потом отключился.

— Работать только теперь неохота, пиздец!

— Зато хочется есть, — сказал я как раз в тот момент, когда организаторша садилась в машину.

— У меня есть для тебя соевое мясо, — сказала она. — А на квартире тофу, папоротник и еще там корейские салаты. Все по вегану.

— Да, тофу-у, хочу.

— Тофу по-сахалински, — уточнила организаторша.

— Стоять потом будет, дай бог, — добавил водитель.

— Найти бы применение.

— Найдем! — сказала организаторша даже чересчур активно, будто это была ее святая обязанность. Для нее исполнить мои капризы — дело чести, догадался я.

Пока мы ехали, водитель начал расспрашивать меня про диету, и я немного занервничал. Тысячу раз приходилось вести эти разговоры и каждый раз чуть-чуть напрягаюсь. Есть мясо — все равно что быть первобытным варваром, пытался я говорить полущутя. Это основа, первый класс. Как можно быть такими дикарями? Считаю, что в каждой столовой должна быть одна постная позиция, в управлении каждой организации обязан быть человек, который не ест мясо и молочные продукты.

— А предки, а традиции? Вот грузинская кухня. То да се.

— Да на хуй бы пошли такие традиции! — резко сказал я, и на какое-то время стало тихо. — Лобио, — сказал я куда-то в пустоту.

Оставалось несколько свободных часов до чтений. Квартира была такая же, как сотни съемных халуп, в которых я ночевал в турах и путешествиях. Я помыл ванну

и включил воду. Объялся, пока она текла, и сделал себе пену, залив в водопад детское мыло. Погрузился, и было очень хорошо. Педерастично вытянув ноги, обмазываясь этой пеной — решился. Возвел взор и руки к потолку с искренними словами:

— Бог репа и бог Сахалина. Дайте мне, пожалуйста, хорошие чтения, дайте мне интрижку, дайте мне спокойно и в кайф провести эти дни. Я продолжу делать свою работу, вернее, трудиться, без этого корня — раб. Реп (и литература вообще) останется величайшим ремеслом для меня, а остров Сахалин будет воспет в повести, которую я напишу. Так или иначе, но в долгу не останусь... — и боги подмигнули мне.

Боги дали все, о чем я просил.

Последние дни отпуска — так я воспринимал время на острове.

Мы с девчонкой сели в маршрутку и приехали в маленький портовый город Корсаков.

— Здесь вроде есть индийское кафе, — сказала она.

— Тогда там может быть ведж-тали. Или хотя бы самосы с овощами.

Мы прошли город насквозь через местный Арбат; оказалось, что индийского кафе больше нет. Искали выход к морю, шли по пыльной дороге, уводящей под гору в никуда. Солнце разогрелось на полную, и мы сняли куртки. Вдоль дороги, как нездоровые зубы, торчали полуразрушенные бараки. У одного из них на детской площадке

играли дети, увидев нас, они замерли, глядя как на инопланетян. Ощущение у меня было, будто я забрел за край карты, куда заходить нельзя. Сценка из фантастического триллера, то ли Кэмерон, то ли Театр Рэя Брэдбери.

Потом людей совсем не стало, только редкие машины. Мы шли вдоль длинного забора. Воняло тухлой морской капустой.

— Может, нам повернуть назад? — спросил я.

— Думаю, что мы вот-вот выйдем к морю. Не ной.

У меня заболело колено. Идти получалось, лишь явно прихрамывая. Детская травма обострилась после расставания с К., и будет мучить, пока я о ней не забуду, пока не примирюсь. Дни были насыщенными: я отчитал стихи, погулял в ночном парке, потом организаторша неудачно пыталась сосватать мне одну красотку по фамилии Малыш. Вернувшись в съемную квартиру в ту ночь, я воспользовался отметкой в инстаграме — позвал девчонку в гости. Приметил ее на чтениях, когда она спрашивала в кафе, где я читал, есть ли что-то по вегану в меню. Веганки лучше пахнут, между веганкой и мясоедкой всегда выбирай первую, такое правило. Но я ему не то чтобы следую. Тогда она согласилась приехать, сама пила пиво, а мне привезла острых вкусняшек. Рассказывала и рассказывала о своих путешествиях с театром, а потом я ее поцеловал. В общем, когда я был один, то гулял сам по себе в городе, зажато между гор и продуваемом морским ветром, или читал рассказы Чивера. Остальное время мы гуляли вместе. В том числе по горам, а также катались на фуникулере.

А теперь оказались на пыльной дороге, конца ей не было, и дорога вела вдоль забора, за которым скрывались какие-то важные стратегические объекты.

Наконец забор закончился, а запах морской гнили усилился. Мы вышли на берег, солнце скрылось за тучами, небо было серое и бескрайнее.

— Вот что это за вонь.

— Морская капуста.

Ее было очень много. Как магнитная лента из миллиарда аудиокассет кудрявилась по берегу, насколько хватало глаз. Несколько маленьких, по двое-трое, групп людей гуляли тут, не смущаясь этого запаха. Однако я встал раком, голова закружилась, начались спазмы. Желудок был пуст, поэтому рвотные позывы заканчивались ничем, но остановить их я не мог.

В результате лишь выплюнул немного желчи прямо в зеленые вонючие кудри.

— Ты просто не привык. Так бывает.

Я отошел к стоянке, лег на каком-то бордюре, а девчонка пыталась вызвать такси. Но машины сюда не ехали. Меня совсем размазало.

— Пойдем другой дорогой, так мы срежем.

— А ю шур? — спросил я, пытаюсь собрать воедино двожащееся изображение.

— Да, срежем-срежем. Это я протупила просто. Есть выход отсюда, смотри: она ткнула мне в рожу недогруженную карту, из которой я не понял ничего.

Мы взобрались на гору, откуда было видно железную дорогу (по которой однако не проехало ни одной электрички) и фрагмент моря. Ели оливки, капусту кимчи, а также батончики арахис-финик. Непонятно, каким чудом все это добро оказалось в захолустном магазине. Конечно, с наценкой под сотню процентов, это же остров.

Девчонка была начитанная. Литературная, так сказать, девчонка, и поэтому мы говорили о книгах. Зачем-то она читала даже современную русскую литературу.

— Уже пишешь книгу? — спросила она.

— Почти пишу. Приеду и начну, вроде бы план есть в голове и даже в заметках, — для убедительности указал ей на айфон.

— Это роман? Или рассказы?

— Вроде бы роман. Или поэма в прозе, как посмотреть.

Она задумалась ненадолго, пошевелила носом и прищурилась — такая у нее была фишка, некое деревенское обаяние.

— У тебя есть референс? На что он может быть похож?

— Ну, ты читала мои романы? У меня их два.

— Нет, только рассказы.

— Вот если прочитаешь первый, Календарь, станет ясно, наверное. Как бы объяснить. Ты читала Бротигана?

— Кажется, про ловлю форели...

— Вот. Меня интересует сейчас не сама эта книга. Просто я лет 15 назад прочитал несколько его романов, и на одном, по-моему, как раз на Форели, была такая аннотация. Что Бротиган писал не романы, а нечто близкое к ним по форме, но в собственном жанре — бротиганы. Когда я писал Календарь, подумал, что я как Бротиган — сам в себе, только пишу не бротиганы и уж тем более не заслуживаю назвать жанр собственной фамилией. Но что я пишу календари. Моя цель прибить к стене какой-то момент, какой-то день, какую-то тему и часть жизни. Может быть, текущее ощущение. Чтобы из жизни можно было извлечь каплю смысла. А иначе, если я это не сделаю, смысла совсем не будет.

Она пожала плечами.

— Об этом писал Бродский в эссе. Что суть поэзии в том, чтобы придать смысл событиям. А ты делаешь это в романе, получается.

— Наверное, писал, не знаю, — настала моя очередь пожимать плечами. — Не очень знаю его, не цепляет. Для меня поэзия — жизнь, чувство, ключ. А проза типа как инструкция. Необходимая документация, чтобы выжить. Но они друг без друга никак, никуда. Вообще считаю, что настоящий роман может написать только поэт, а если

человек не поэт, он пишет беллетристику. Романист — это же само по себе хуйня какая-то. Если бог репа не слышит автора, то выходит мазня тупая.

Мы посмотрели на воду, ее внимания хватило секунд на 30. Взяла телефон.

— А еще я хочу написать универсальную инструкцию для всех фотоаппаратов. Электрички вообще не ходят тут?

— Ходят, но редко. Две-три в день. Какая центральная тема романа?

— Девственность.

— Хаха, ты, кажется, от нее далек.

— Сейчас далек. Но когда вернусь к себе, она снова будет близко. По большому счету я ее и не лишился. Вот я и пытаюсь понять, что должно с мужиком произойти, почему некоторые чувствуют себя мужиками. А че ты не ешь?

— Хочешь мой батончик?

— Давай.

— Вернулся аппетит?

— Морскую капусту я теперь долго не буду есть.

Девчонка скривила веснушчатое лицо:

— Просто не привык, — я взгляделся в нее, чтобы запомнить.

— Капустка, — сказал и засмеялся.

— Капустка, — кивнула она головой как-то вбок и со смешком.

Она рассказала немного о себе. Вообще-то во второй раз, не помнит, наверное, что уже все говорила в первую ночь. Но я все равно выслушал, глядя вниз на утекающее время.

По образованию актриса, сейчас преподает детям актерское мастерство. Уже жила в других городах: Перми и Петербурге, но сейчас хочет уехать в Норильск или Воркуту. Девчонке интересно, что такое полярные ночь и день, и как на это будет реагировать организм.

— А я вроде бы никогда не спал с актрисой, — только и ответил я. — Думал, что это дурная идея.

— Ну и как? Сойдет?

— Да вроде бы все нормально прошло. Понял, что это суеверие! — я поцеловал ее. Первый и последний раз сделал это не ночью и не в постели. Она беззвучно засмеялась, убрала губы и подставила щеку. Как будто действительно днем делать этого не следовало, и дальше френдзоны маршрут можно проложить только в темноте.

Ну да, запомню ли я тебя? Последний месяц я живу на Русском острове и туда должен был завтра вернуться. Пару раз мне доводилось не узнавать хозяйку квартиры, которую я снимаю. Она помладше меня, бодрая женщина, можно даже сказать горячая, харизматичная. Хотя и никак это не проявляет, но чувствуется энергия. Но я могу встретиться с ней у падика и затупить: она это или нет? На всякий случай говорю привет всем женщинам ее возраста, а их, кажется, три или четыре живет в нашем подъезде. Сейчас подумал, что с моей спутницей та же ситуация. Ну, я мог бы описать какие-то особенности, цвет волос, фигуру или то, как она хихикает, как бы проявляя сочувствие словам. Вот она сидит рядом, но ее как будто и нет, то есть в ней уже нет смысла. Я провел с ней несколько дней и мог бы не узнать при встрече. Думаю, у меня начинается что-то вроде любовной деменции, межполовая слепота. Когда ты объездил страну несколько раз, подписывал книги, фотографировался, целовался с людьми, проводил время с сотней девчонок, все они в какой-то момент уже утратили важность, индивидуальность. У меня закончились ярлыки. Плохо ли это?

Но само творчество не ушло. Оно все еще со мной, и страсть к нему сейчас на пике. Последние два года бог репа дает ответную силу. Надеюсь, что это так, что это мне не кажется. Все-таки я чередую: песни, стихи, проза,

видео, монтаж. Литература — главная любовь, работа с текстом. Монтаж я почитаю как отдельное и равновеликое божество, мои жертвы для него скромны, и не хочется даже приближаться к этой профессии, а ограничиваться только своими любительскими нуждами. Мне кажется, самое печальное и показательное — творческая деменция режиссера монтажа. В какой-то момент все эти сюжеты, истории, изображения судьбы перестают для тебя что-то значить. Ты просто кидаешь хлам на монтажную область, пялишься в монитор и уже ничего не видишь. Но продолжаешь врать, что разбираешься в вопросе и получать деньги за свою работу, которой становится ложь.

Я не хочу такого.

Ведь ты профессионал, и у тебя есть ряд тупых правил, за которыми можно спрятаться. Здесь у нас поворот истории. А здесь давайте возьмем крупняк. Это не отражение мира, это шляпа, залупа, чушь-хуета.

Когда мы ехали в маршрутке, водитель говорил по телефону. Он взял у меня 1000 рублей и несколько остановок не отдавал сдачу. Когда он закончил разговор, я спросил:

— Сударь, вы не желаете отдать мне сдачу?

Он ничего не ответил. Девчонка сказала:

— Похоже, что оскорбился. Это было грубо.

— Сударь? Это грубо?

— Я это сделаю. Верните, пожалуйста, сдачу с тысячи!

Водитель сразу отсчитал ей. Может быть, я просто уже в книге? В реальности меня нет, а девчонка — медиум, и только она может взаимодействовать с обоими мирами.

Ей нужно было съездить к себе домой переодеться, а я остался один. Повалился в постели, чередуя ютуб и порнхаб, написал пару строк к длинному стихотворению, которое, видимо, никогда не будет закончено. В одном рассказе из книги Ангел на мосту зацепился за мысль, что люди, приезжающие на курорт, часто заранее относятся

к событиям как к своему прошлому. Ты вроде бы здесь, но это уже часть истории о том, как ты отдыхал в специализированном месте. Такое же было со мной в эти дни. Списанное время, об этом я думал — и вошел в транс, лежа на большой кровати, на которую была накинута маленькая и не подходящая по размеру простыня. Таращась на белые обои хаты — здесь, но мимо.

Вечером смотрели фильм В погоне за Эми. Мне нужно было дойти до сцены, где герой Джейсона Ли рисует перекресток и предлагает герою Бэна Аффлека разгадать незамысловатую загадку:

— ...смотри. В центре перекрестка лежит стодолларовая купюра. А на дороге стоят добрая лесбиянка, не преследующая никаких политических целей, злая феминистка и мужененавистница, а также Санта Клаус и пасхальный кролик...

Я остановил, перемотал на начало сцены и стал снимать на телефон этот фрагмент для сторис в инстаграме. Опять дошли до места, и далее по фильму следует вот что.

Бен Аффлек спрашивает:

— Ну и к чему ты это рассказал?

— Это важный психологический тест! Так кто из них первым возьмет купюру?

— Ну, злая лесбиянка. И что все это значит?

— А почему она? Да потому что все остальные — выдумка (Джейсон Ли использовал слово фикшн)! Они существуют только в твоём воображении!

Мы уже сильно хотели спать, и я надеялся, что не придется трахаться.

— Дальше ничего хорошего уже не будет — это главный момент в фильме. Захочешь, сама досмотришь, ладно? Тут Кевин Смит читает самый длинный монолог за свою актерскую карьеру. Хотя бы ради этого.

— Обязательно досмотрю.

Я рассказал девчонке, что режиссер Кевин Смит не так давно стал веганом, показал его инстаграм, порекомендовал подписаться. Вот какой он сейчас худенький. Надеюсь, что все-таки и она, молоденькая, приобщится к его гению, полюбит одну из значительнейших фигур для моего поколения. На том мы закончили день. Но ночью девчонка разбудила меня, крепко взяв за хуй. Какое-то время я не мог понять, снится это или нет, и она взяла в рот, а мне все еще не хотелось переступить через границу грез. Секс был работой, которая ждала меня. Неужели это все: три ночи желание было, но на четвертую фитилек погас? Открыл глаза, приучился видеть во тьме и сконцентрировался на черном секси-лифчике. Запустил в него руки, закинул ноги девчонки себе на плечи, двигался в ней плавно, до упора, останавливаясь в финальной точке, как бы треть секунды раздумывая. Менял ритм и одновременно пытался вспомнить сон, который не досмотрел. Нет, дело не в девчонке. Во сне я опять переписывался с К. — своей любовью этого года. Она была как черная глубина, в которую я спустил всю любовь к женщинам вообще, сила, теперь враждебная и лишенная сострадания. А я пытался напечатать ей послание, в ответ же раздавалась только злоба.

— Почему ты стала такой жадной? Почему ты не оплатила посылку в сдэке, ведь это низко, грубо, пошло, это чистое зло, чистое ебаное зло... — отстукивал я ей азбукой Морзе. — Ведь я и так все оставил тебе. Я отдавался тебе, служил тебе. А ты не оплатила посылку, да как же так, никакой брезгливости, какая же ты тварь, меркантильная и жадная, это невозможно!

К. выскребла все подчистую, хоть и строит из себя обиженную, — это она животное-хищник, или, как теперь говорят, абьюзер. Но я все-таки не останавливался, качал ей назло этот насос, пока не брызнул на живот девчонке. Где-то тут рядом валялось специальное полотенце, я потянулся

за ним, бросил на лужицу, а сам лег на спину, чтобы отдохнуть. Телефон лежал у кровати, и я дотронулся до экрана. До самолета оставалось шесть часов.

Второй раз подряд выпало худшее место в самолете: последний ряд и между людьми. Неужели все, кроме меня, даже здесь, на самом краю земли, научились проходить электронную регистрацию? Я ни разу в жизни ее не проходил: какой смысл, если тебе все равно надо подходить к стойке, оформлять багаж или получать бирку ручной клади. Электронные регистрации как очередная бюрократическая подлость — соглашаясь на нее, ты снова отсасываешь сатане. Ладно, перелет короткий, так что не страшно. Скоро я буду дома, на Русском острове. Выключил телефон, уснул, проснулся, и мы приземлились. Включил телефон и заказал такси, когда пассажиропоток двинулся на выход.

Таксист пожурил меня за то, что я сильно хлопнул дверцей. Что я могу поделать, просто ненавижу автомобили Тойота Приус. Такая же тачка была у Вероники, жестокой и чрезвычайно обаятельной женщины, к сожалению, лишенной глубинной эмпатии.

Подсознательно я мщу ей, хлопая дверцами всех Приусов, на которых, кстати, ездит большинство таксистов Владивостока. Серебристый цвет — близнецы ее машины — самый частый раздражитель в этой большой деревне.

Первая точка маршрута — офис деловых линий, где нужно было получить матрас из икеа. Руки уже начинали зудеть, скоро я организую пространство и возьмусь

за книгу. Пришло сообщение от мужа хозяйки в ватсап. Он спрашивал, в каком магазине я оставил ключ от квартиры. У его семьи два или три магазина в поселке, и я уже говорил ему, где оставлю ключ.

Но суть не в этом, а в том, что его сообщение означает, что: 1) он не вытащил разломанный диван за эти дни, 2) он не поменял протекающий бойлер, который еще и бьет меня током, когда я моюсь, 3) в рот я ебал жить у такого хозяина.

Мое жилье оплачено до 9 ноября, потом я лечу в Москву и Петербург по делам дней на десять. В этот момент я понял, что не хочу возвращаться. Я зашел в офис, отстоял очередь, и мне дали бумажку, с которой нужно было идти к складу. Там еще одна очередь. Я прикинул: ждать минимум час. Ладно, решил вернуться завтра, когда нервы мои окрепнут.

Дверцу Приуса закрыл максимально аккуратно, чтобы таксист простил мне все обиды.

— Все, мы уже едем? — спросил он.

— Да.

Сначала нужно въехать на красивый, как в Сан-Франциско, мост, соединяющий остров с материком, потом проехать дальневосточный университет. То слева, то справа видно море, холмы, сопки. Одно из лучших мест на земле. Потом трасса заканчивается, какое-то время нужно ехать по грунтовке. Водитель начал задавать вопросы относительно острова и чуть не съехал в кювет. Часом ранее, когда он меня журил, я выставил ему три звезды, но теперь исправил на пятерку; меня развеселило, что он чуть нас не угробил. Ненадолго поднялось настроение.

Добравшись до поселка Подножье, я забрал ключ в магазине и вошел в дом. Пока я ехал в такси, они успели забрать грязное постельное белье и полотенца. Но чистых полотенец не было. Ладно, пошел на пляж, все равно.

Буду вытираться футболками. В мозгу начался процесс, формировалось какое-то препятствие, ненависть к миру, неверие в творчество, в то что заряд сможет пробить эту воображаемую стену. Скепсис материализовался в неприятие всего вокруг. Сделал усилие: пока требовалось лишь не проверять интернет и читать как можно больше. Пару дней впитывать в себя слова.

Я скачал на электронную книгу несколько романов, которые читал в юности, чтобы вернуться к себе тех пор, каким был в момент нашего знакомства с Элеонорой.

Погода испортилась, море стало почти холодным. Я нырнул и поплыл. Есть в архиве эпизод, который застыл и стал частью меня. Аккуратно заглянул в воображаемый ящик, и сразу же пошло. Эпизод ожил, пока я задержал дыхание и плыл под водой, промерзая до внутренностей. Эта сценка всегда была рядом, простенькая и вечная. Июнь 2003, 18 лет назад, ровно полжизни. Прохладно, мы сидим на лавочке за пятиэтажной змейкой. Вид на этот дом, там живут мои друзья Миша и Тимофей, там же раньше жил Леджик, высоковольтную линию и гаражи.

Элеонора вытянула ноги и сложила их на меня. Вот-вот пойдет дождь, воздух остывает.

— Я передумала, — говорит она. — Теперь я ревную.

— Люблю, когда ты говоришь о себе не в мужском роде. Придурь какая-то. Будь девочкой всегда.

— Сам будь девочкой, Евгений, — капризным голосом отвечает Элеонора и в шутку ударяет в плечо кулачком.

У нее детское лицо, ей можно дать и 15, хотя она немного старше меня. Когда она кривится, похожа на капризного ребенка. Сначала мне это не нравилось, но потом стало вызывать эрекцию.

— Сейчас опять поднимется.

— Опять?

— То есть теперь ты ревнуешь?

— Да. Я тебя люблю. Я не хочу, чтобы ты с кем-то еще трахался.

— Ты раньше не говорила, что любишь, спасибо.

— Больше не скажу, будь спокоен.

— У меня и не встал тогда. Думаю, что у меня не встанет, только на тебя. К тому же ты уходила, помнишь? Я и не собирался ведь.

— Помню-помню. Больше я не уйду. Если не будешь ни с кем спать.

— Даже с Олей?

— С Олей можно. С той, кого я одобряю.

Да мне и не хотелось спать с Олей. Это была ее идея. Мы обнимаемся и молчим. Потом я еду из пригорода в центр проводить ее. Мы шаримся по каким-то кустам в поисках уединенного места.

— Давай прямо под деревом, да?

От возбуждения я не могу остановиться и быстро кончаю. Но она не ругается, гладит меня по волосам, пока я восстанавливаю дыхание, оперевшись о кору. Я отвожу Элеонору к девятиэтажке, где она живет у своего дедушки, журналиста и поэта, автора каких-то городских гимнов и пошлых текстов. Она гордится дедушкой. Поднимаюсь до двери и целую ее. Не могу отпустить, но отпускаю. Еду на лифте один, иду на позднюю маршрутку, сижу на остановке под центральным почтамтом, долго сижу, голова ватная. С Олей у меня тоже не вышло, когда Элеонора пыталась устроить этот тройничок: по сути, девчонка

у меня была одна, этого было достаточно. Мне кажется, что я был такой же моногамный мужичок, как и мой отец.

Второй день я простоял два часа в очереди у склада деловых линий. Мужчины молчали, плевались, теребили папки, спрашивали, кто крайний. Была даже одна бодренькая бабушка с клоком волос, растущим из щеки. Из огромного склада тянуло ветром, как из морга. Сотрудник, похожий на перекачанного хоббита, взял квитанцию, пошел за моим матрасом, но вдруг развернулся и протянул бумажку обратно:

— Какое сегодня число?

— 28.

— А здесь 27. Так нельзя.

— Как — так нельзя, сударь?

Он нарисовал бесконечность в воздухе моим измятым клочком бумаги.

— Но я вчера не успел получить. Стоял здесь час и не успел.

— Я не могу выдать, вам придется брать новую квитанцию, — хоббит смотрел на меня непроницаемым и мертвым взглядом.

— То есть опять стоять два часа в очереди?

— Да.

— Может быть, вы пока вынесете матрас? Я схожу в офис и вернусь с новой квитанцией.

— Я попробую.

— Выносите. Второй раз стоять не буду, я ебал.

— Хорошо, я вынесу, — и себе под нос. — А я не ебал?

Я простоял на проходной минут 20, психанул и написал заявление на отказ от матраса. Отметил в инстаграме икеа и деловые линии, выложил несколько снимков территории. Худшая служба доставки, а цены самые высокие в РФ, — запульнул им такую антирекламу.

Точно, как я забыл, ведь уже было с ними! Как-то раз типография отправила мне книги в город Калининград деловыми линиями. Линии взяли оплату, но заказ не отправили, так как в то время уже ужесточили таможенные правила из-за карантина. Мало того, что не вернули деньги за отправку, так еще взяли дополнительную оплату за то, чтобы привезти книги просто на адрес в Москве. Несколько дней звонил и пытался разобраться, а потом просто забил: и так понятно, что руководство этой обоссанной конторы поголовно передохнет от рака жопы. Спасать их не имело смысла.

Но я же не знал, что икеа отправит этой службой. Или же в заказе было указано?

Ладно. Просто плюнь на это, есть вещи важнее. Черти уже живут в аду, не стоит пытаться с ними воевать на их территории. Просто не пускай их в свою жизнь. Деловые линии казнены в рот по факту. Эй, вы! Защеканы! Привет и пока!

Дома я подготовил письменный стол. Оставил только то, что мне может понадобится: ноутбук, колонка, фотоаппарат, жидкость для протирки экрана и тряпичная салфетка. Наверное, завтра утром возьмусь за первую главу.

А сегодня нужно дочитать роман. Это был текст, который, помню, читал в юности — Слушай песню ветра. Может, не самая великая книга, но она оживляла воспоминания. Да и нравилась мне до сих пор, взять только линию выдуманного писателя, у которого рассказчик учится мастерству.

Читал, потом готовил есть. Видимо, случайно включил вайфай, и электронная книга, не спросив разрешения, обновилась. По глупости недавно я купил себе киндл, не изучив вопрос. Винить тут некого, кроме себя — нужно было прочесть тысячу отзывов, если не хочешь, чтобы реальность тебя изнасиловала. Оказалось, что на киндл просто так не закинуть тексты ни фб2, ни епуб: нужно установить дополнительную программу, откалибровать, так сказать, файлы, и только потом ты сможешь что-то читать. Но я справился, спокойно воспринял, что это часть реальности, которую нужно преодолеть. Калибратор почему-то копировал книги так, что они сохранялись в двух экземплярах, и приходилось убирать одного из близнецов-файлов. Но сейчас, с обновлением, возникла новая проблема. С первой проблемой я разобрался. Нашел, закинул те романы из далекой юности, которые сейчас требовались мне.

До обновления ты мог нажать на циферку над словом, которое требует разъяснения — пройти в конец книги по сноске и тут же вернуться на исходное место, чтобы продолжить чтение. Но эти председатели говна из амазона, видимо, совсем упорлись, и с обновлением возможность вернуться в исходное место исчезла. Вместо нее теперь красовался возврат к содержанию, в раздел Библиотека. Несколько часов изучения инструкции, попыток откатить прошивку, многочисленные сбросы, а также создание нового аккаунта на амазон ничего не дали.

— Ты сука, ты блядь, ты мразь, ты тварь. Я понимаю, что я должен с тобой сделать, но не сделаю этого. Вся эта энергия, эта темная сила, которую вы, гниды, те, кто делает такие устройства, поднимаете со дна моей души, либо будет направлена на вас, либо трансформируется в созидательное творчество.

Мне хотелось позвонить кому-то. Я даже набрал своему приятелю, который живет здесь рядом и с которым

мы пишем песни. Но тут же сбросил. Что я мог ему сказать? Привет, Сева? Я хочу разьебать электронную книгу, потому что новая прошивка — это ад. А еще я очень одинок и хочу любви, но не понимаю, как до нее дорасти. А Сева бы ответил: ты старше меня на три года, Женя, и сам знаешь, что хуй я в чем преуспел, только двоих детей сделал от разных женщин, но сам постоянно в агонии от мыслей, что смерть заберет меня раньше, чем я поумнею! Обнял, брат!

В одежде лег под одеяло, пытаюсь плакать, но выходило только злобное рычание. Мне одиноко, блять, одиноко нахуй, и сам я был в этом виноват.

Мне позвонили из икеа. Извинились, сказали, что деньги вернут, а с деловыми линиями разберутся. Я не верил своим ушам.

— Спасибо, вы спасли мою жизнь.

Вышел на улицу, прогуляться по деревне. Настал вечер, турнички ждали меня. Подтянулся 11 раз и сказал:

— Спасибо, дорогие шведы. Вы очень обходительны, спасибо-спасибо! Ничего о вас не знаю, только то, что живете вы на Балтийском море и убиваете себя почему зря. Но меня-то спасли. Спасибо.

Ой, это не вы! Не вы убиваете себя! Я спутал Швейцарию и Швецию, ну не идиот ли? Похоже, у меня слабоумие. Похоже, я расист!

Единственный швед, которого я вспомнил, актер Дольф Лунгрен (чья карьера взлетела после того, как он сыграл Ивана Драго, противника Рокки Бальбоа, Сибирского быка). В принципе, даже если они кончают с собой реже, чем мы, русские, Дольф вполне может быть в зоне риска. Я представил, как он, еще не старик, но уже перезрелый мачо и пьяница, печально и благородно машет мне своей огромной рукой с другой стороны материка: хоть уже и занес ногу со скалы над холодными и беспокойными водами

Балтики, но все еще морально помогающий другим людям. Его пытливый взгляд еще секунду направлен в объектив камеры, но вот кадр снят. Дольф отворачивает свое не умеющее улыбаться лицо обратно в бездну; ничего вокруг больше нет, только он — и пустота.

Последний раз я видел Элеонору в Москве десять лет назад. Было пять утра, я ехал на работу в офис, находившийся на дальней Кунцевской. В вагоне метро почти никого не было. В состоянии полусна заметил, как она вошла в вагон, сонная и нездоровая с виду. Элеонора не стала садиться, просто стояла и смотрела на дверное стекло, туда где надпись Не прислоняться летит через тьму тоннеля, прорезаемую трубками, проводами и черточками. То мне казалось, что это Элеонора, то казалось, что это не она. Стеснялся подойти, засыпал и просыпался, когда объявляли очередную станцию.

Когда понял, что следующая — моя, прошел и встал рядом, теперь точно стало понятно, что это — Элеонора.

— Привет, — сказал я или даже не сказал, а просто подумал.

Протянул руку, ладонью к ней, она ответила. Была поздняя осень, время и без того сонное, я какое-то время соприкасался с маленькой рукой Элеоноры в перчатке.

Она так ничего и не сказала, и я вышел. Еще повернулся, когда двери закрылись, последний раз отделив Элеонору от меня, а взгляд ее так ничего и не выражал, я даже не понял, узнала она меня или нет, ни улыбки,

ничего, никакого признака, никакого ответа. Но не было у меня беспокойства в то утро, только апатия. Ведь и я тоже не улыбнулся, не обнял ее, скорее, продолжал спать. А она спасла меня за пару лет до этого и, может быть, ей теперь самой нужна была помощь. Кажется, мне всегда было известно, что она умрет раньше. Первая — умрет первой.

Секундочку.

А как же Тумас Транстремер? У меня даже его книга стихов лежит на подоконнике, притом в оригинале — ее мне прислала слушательница репа, проживающая в Швеции. Ведь я даже пытался учить шведский язык в начале 2019. Врубал записи чтений стихов Транстремера, открывал оригинал в одной вкладке и в другой перевод, выписывал слова, произносил стихи за Транстремером, и мой мозг погружался в мрачно-романтические галлюцинации. Еще я тогда пытался учить французский, немного немецкий и целыми днями дробил гитару. Друзья, у которых я жил, и те, с которыми переписывался в то время, заподозрили неладное, когда я перестал спать. Так и стали подкармливать меня нейролептиками.

Ну их, этих шведов.

Сегодня ночью приснился кошмар, но не испугал меня. Это был какой-то мрачный сюжет с огромным количеством насилия, и смертельного, и приводящего к инвалидности. Например, мою спутницу (по ощущениям, эту героиню будто играли несколько европейских актрис по очереди, с каждой монтажной склейкой лицо менялось) избili

настолько, что она лишилась глаз. Их ошметки были размазаны по лицу, но она скорее злобно рычала, чем была в отчаянии. Сперва я был внутри, в кошмаре, был героем и переживал все как участник, пытаюсь оказать сопротивление злу, воплощенному в жестоком маньяке-антагонисте. Но я действовал хладнокровно, переживая события как тяжелую службу, которую тем не менее принял. К концу сна все это переместилось в маленький телевизор с выпуклым экраном, стоящий в пустой комнате на табурете. Меня уже не было, а если был, то как растворенный в воздухе наблюдатель. Воздух в комнате — вот кем был я. Таков мир, с этим бессмысленным злом, неужели ничего и никогда не изменить? Когда проснулся, не было и тени страха, лишь задумчивый паралич.

Немного погулял по ключевым образам сна. Среди прочего бреда нашел такую трактовку: неуверенность в себе, одиночество, боязнь жить реальной жизнью. Наверное, все так и есть.

С тех пор, как я сходил к Чудо-деду и вслух заявил о своем решении (можно с прописной буквы, Решение!), чувствую себя очень одиноким.

II

Дошел до Чудо-деда, и расхотелось писать прозу. Ей на смену пришли дни овощного существования. Спал часов по 12. Толком не помню, как написал несколько стихов и смонтировал ряд видосов. Будто зомби был занят этим. Успевал только делать текущие дела (удаленно), которые и делами-то не назвать: отправил файлы в типографию, повысил свою бывшую любовницу до сотрудницы. Теперь она управляется моим книжным издательством в Москве, пока я лениво распоряжаюсь через телеграм.

Только вчера стало хорошо. Благодаря, видимо, тому, что начал практиковать интервальное голодание. Появилась энергия, и сперва было непонятно, что с ней делать. Прежде подышать кислородом, потом возвращаться к творчеству. С утра решил дойти до края острова, до одного мыса. Так я оказался на местном кладбище, где мне встретились пять собак. Некоторые лаяли и бегали вокруг, норовя укусить, оставшимся было плевать. Я поднял руки, чем заставил их сосредоточиться. Сказал жестко, но без агрессии:

— Коллеги! Я вас не знаю и знать не желаю. Считайте, что я — один из покойников. Кто подойдет близко, получит по морде. По ебалу, проще говоря. Вкурили?

Собаки перестали лаять и пропустили меня к обрыву. Сзади — материк, спереди — океан и точки грузовых судов. Если вы не понимаете себя, горячо рекомендую добраться сюда или любого другого моря в это время года. Осеннее море расскажет вам все, что нужно знать о вас самих.

Я решил, что моим коленям необходимо авокадо и кокосовое масло. Что ж, вот и цель: сесть в маршрутку, доехать

до города, зайти в магазин, погулять по центральной набережной. Набке, как говорят местные.

Напротив меня в дороге сидела девочка-подросток, которая спала и одновременно жевала жвачку. Ее голова почти падала то влево, то вправо, но возвращалась на место — девочка держала все под контролем, и челюсти работали как надо. Да, башка замирала в паре сантиметров от плеч соседей, с тем чтобы вернуться в исходное положение. Один раз, не просыпаясь, девочка даже надула пузырь. Сейчас в основном жуют без страсти, а в моем детстве жвачка была настоящим праздником и культом: Турбо, Бомбибом, Лав из. Вкладыши, дырявые желудки. На мои семь лет бабушка подарила семь жвачек. Я сделал из них слоеный пирог и засунул в пасть.

— Даже ни с кем не поделишься? — удивилась бабушка.

— Не додумался, прости!

— Я-то что прости. Вон с Лешей поделишься, может?

Тогда я достал изо рта пожеванную массу, промыл под краном, скорее чтобы удобнее было разделить без липких слюней, чем из гигиенических соображений, и выдал сводному брату (на четыре с половиной года старше). Он с благодарностью взял, пихнул в пасть, у него и мысли не возникло, чтобы побрезговать таким даром. Чавкали на пару несколько часов.

Мы проехали грунтовку, и я достал электронную книгу. Все равно качало, но я вцепился в прибор, представив, что снимаю видео на ходу. Все-таки опытный оператор без проблем стабилизирует данную ситуацию. Но тут меня взбесил еще один момент: после режима сна книга иногда переставала показывать прогресс чтения.

Это были дневники Фаулза, самое начало (притом что я не читал его романов), но, сходяв по первой же сноске, не смог вернуться обратно. Слово Подж было помечено циферкой. Что такое? Имя, или духовный сан, или же

какое-то сокращенное ругательство, ставшее прозвищем человека? Не прочитав пояснений, нажал кнопку назад, чтобы проверить. В надежде на чудо, что удобство навигации вернется в мир моего чтения. Нет. Выбросило в главное меню. Эта книга должна быть уничтожена. Не дневники Фаулза, но устройство, с которого я их читаю. Киндл явно пытается меня убить.

Обида пронзила целиком, и всю оставшуюся часть поездки приходилось сдерживаться, чтобы не выбежать из маршрутки и не начать долбить свой ебук о первую попавшуюся остановку. Но на конечной, встроившись в поток высираемых маршруткой человечков, уже расплачиваясь (как тут принято) на выходе, успокоился.

Дальний Восток — не место для решившего сэкономить на еде. Упаковка из двух авокадо сорта хасс обошлась почти в четыре сотни. В Калининграде ровно в два раза дешевле, вот вам и разлет цен. Чтобы получить небольшую скидку, украл несколько диетических батончиков. На набережной не спеша съел все, и было очень хорошо. В последнем батончике, правда, попалась косточка — решил впредь не связываться с этой маркой. Наверное, третий был лишним, в этом ли смысл неудачи?

Я реально стал ощущать, что моим больным коленям становится лучше от авокадо и 16-часовых промежутков без еды. Ребята, завтра я еще кокосовое масло куплю! Будете как новые! У меня все записано, я знаю, что теперь надо есть. Экстра верджин, чтобы вернуть вам девственность.

Перелез через перила на бетонный волнорез — сделать снимок рыбака. С пятого раза получился хороший кадр, кажется, он подойдет для обложки сингла из двух песен: призрак и катехон. Черная фигурка с удочкой в дождевике, маленькая, как персонажи фильмов Дэни Вильнева, наедине с этой реальностью, зажата между двух бесконечностей: моря и густого облачного неба.

Выбравшись обратно на набережную, почувствовал счастье творческой удачи; как вдруг вспомнил про киндл. Ждать я больше не мог, достал из рюкзака электронную книгу, подошел к какому-то каменному постаменту:

— Хочешь меня выебать, сука? — спросил сквозь зубы и сильно шваркнул книгой о край.

Прохожий парень сзади икнул и сказал:

— В курсе, он реально меня испугал!

— Пойдем, пойдем отсюда, — ответила ему спутница.

Местные часто так говорят — в курсе — без всякого смысла, а еще очень часто — получается. У Вероники, королевы Приусов, бывало, в одном предложении что-то получалось два-три раза. Ладно, с книгой ничего не произошло. Ни царапины, ни следов удара, никаких последствий. Экран не треснул, она включилась как ни в чем не бывало. Я сел на лавочку, порылся в меню, нашел способ опять включить прогресс чтения, после чего немного почитал и пошел на остановку. Буду привыкать, буду учиться смирению. Все-таки это настоящее волшебство, что с книгой ничего не случилось, значит нам уготована долгая совместная жизнь.

Это был срыв, но не совсем запой — скажем, полузапой продолжением почти две недели. В течение дня я держался, а вечерами пил. Лето было очень жаркое, но я не мог пользоваться кондиционером, дышать высушенным воздухом было ново и вызывало кашель, поэтому потел и лез от слабого к крепкому. Каждый день звонил режиссер

Максим из Москвы, но когда у них еще было утро, мне уже тяжело было прикидываться трезвым. В какой-то момент он все-таки уговорил меня сниматься. Что-то щелкнуло во мне, и я понял, что на крючке. Может, тут моя пьянка и помогла ему в найме.

В тот разговор я смотрел в окно на закат над сопками, а Максим пересказывал новую версию сценария. Тезисно, — говорил я, — будь краток. Хорошо, хорошо, — отвечал он. Но все равно не мог остановиться, пока не проговорит каждую сцену. В довесок он еще прислал видео с мест, где будут проходить съемки. Якутия, золотодобывающий завод; фрагменты нового мира — и еще съемки с лодки в море Лаптевых. Нам предстоит побывать на новейших территориях для меня. Ему нужен был мой и только мой лик в этих локациях. В конце рассказа персонаж остается один, без семьи, на маленьком острове в маленьком заброшенном маяке. На острие смертельной агонии. Отец покончил с собой, брат утонул. Мне (герою) остались только видения.

Туман, так Максим хотел этот фильм назвать.

— Ладно, я верю, что это главная роль. Теперь похоже, что фильм может получиться.

— Он точно получится. Твоя роль — главная, и никто ее лучше тебя не сыграет.

Я отключился, сделал глоток и подумал: ну вот, зачем я ввязался во что-то еще? Мне ведь и так слишком много всего, что есть в жизни. Я ведь ничего не ищу, особенно взаимодействия с алчными и вздорными богами киноиндустрии.

Но теперь нужно было готовиться к роли. Нужно было лететь в Москву на репетиции и примерку костюмов.

Первая сцена по сценарию — встреча с братом, когда кино-я только что откинулся после отсидки. В те дни я стал воспринимать свой алкогольный крен как тюрьму,

как ненаписанную предысторию. Мой герой еще сидит, а я еще пью. Но когда начнется работа в команде, мы с ним встретимся в одном теле. Я завяжу и буду жить трезво, а кино — это как стих, как вспомогательный образ. Запой — тюрьма.

Каждый вечер толерантность росла, приходилось выпивать все больше, и теперь действовал только крепкий алкоголь, без которого спать не удавалось. Утром желудок было не заставить работать, лицо приобрело цвет материземли. Нужно было выпить несколько литров воды и проплевать, чтобы употребить дозу опохмелки и после этого что-то съесть. Тем не менее я вел дневник от лица своего героя в духе записных книжек Камю. Несколько раз я уже снимался в фильмах и выбрал для себя такой формат подготовки. Играть что-то я не собирался и не умел, нужно было стать персонажем, медленно перебраться — из себя в него.

Я тогда жил не на острове, а в самом Владивостоке, в роскошной хате, но неудобном районе. В последний перед Чудо-дедом вечер выпил уже две бутылки коньяка в харю. Одну, пока ждал Севу в гости с работы, и вторую, пока мы болтали о творчестве. Сева работает оперным певцом в местном отделении Мариинского театра, также играет в кавер-группе, а еще он спродюсировал альбом моих верлибров — написал великолепный эмбиент к стихам. Сева не поехал на Русский остров, где живет, так как был слишком пьян, чтобы садиться за руль, и вырубился у меня в кухне-гостиной. Вероника в ту ночь не пришла, ночевала у себя.

Я был очень пьян и залег на огромной кровати в спальне, как упал в кому. Но проспал лишь час и, проснувшись в ужасе среди ночи, понял: я готов затребовать у Вселенной, воззвать к помощи, попросить о дарах, — как велел делать печально известный комик по имени Джим Керри. Вселенная, помоги избавиться от тяги.

Мне нужна помощь, сам не мог оттолкнуться от дна. Решение я принял еще полгода назад, на реабилитации, но оно по-настоящему вызрело лишь сейчас. До этого всегда была фига в кармане. Я хочу жить трезво, без панических атак, без похмельной злости, без страха умереть от сердечного приступа, без этой беспорядочной ебли, без животного вдохновения. Мне нужно двигаться на ровном, как Сновидцу-По-Призванию. Готов подняться на следующую ступень, как бы стерильно и одиноко на ней ни оказалось.

В липких отходнях ворочался в постели до наступления утра. Потом стал тихонько убираться, стараясь не разбудить Севу, выливал пиво из недопитых бутылок. Я сварил Севе кофе, он встал и сразу принялся разминать голову, махать руками и петь какие-то рабочие фрагменты на разных языках. Русский, английский, немецкий. В общем, готовился к рабочему дню.

— Ты говорил, что брат в завязке. Узнай номер Чудодеда, — попросил я.

— Какого нахуй деда?

— Ну, который заговорил или закодировал твоего брата. В жопу выебал, я не знаю. Как в том анекдоте. Про закодированного у кузнеца.

— Да, в курсе, я тогда тебе щас скину номер Гриши просто. А че за анекдот?

Пока Сева пересылал мне номер брата, я рассказал ему анекдот. Мужик выходит из тюрьмы, хочет отпраздновать, но все собутельники говорят, что их закодировал кузнец. Ладно, мужик тоже идет к кузнецу, просит закодировать его. Кузнец пристегивает наручниками к верстаку и трахает в очко. Потом говорит: узнаю, что пьешь, всей деревне расскажу.

— А, вот что, — лишь усмехнулся Сева. Мне тоже это уже не казалось смешным.

Через несколько часов я был в поселке Трудовое. Надпись на калитке сообщала, что дом охраняется крупной собакой. Чтобы быть пунктуальным, я несколько минут походил по пыльной дороге, потом позвонил в звонок. Голос из динамика велел ждать, потом высунулся Чудо-дед. Он оказался крепким мужиком под полтинник.

Чудо-дед сухо и строго пожал мою руку:

— Проходите.

Полуврач-полусвятой, он переоборудовал гараж под процедурный кабинет для изгнания бесов.

Тут были старенький музыкальный центр, несколько икон, свечи, стул и плетеное кресло. Меня Чудо-дед усадил в кресло. Я вспомнил фильм со Шварценеггером, кажется, назывался он Клон, что удивил меня в отрочестве. Клоны-наемники там шли на смерть не раздумывая, зная, что в следующую минуту после того как умрут, появится их двойник, наделенный памятью только что умершего. Они меня восхищали, в этом была настоящая самоотверженность, когда ты не заиклен на сиюминутном своем существовании. С другой стороны, мне казалось, что это сатанизм, настолько презирать оригинал, данный Богом.

Я и моя болезнь стали единым целом, мы как будто по очереди выходим к рулю, пока второй набирается сил и отдыхает в театральной могилке. Но мы так срослись, и границ между Я и Оно совсем нет, градиент настолько зернист, неоднороден, что совсем непонятно, где тут отрезать сиамского близнеца.

— На какой срок вы хотите отказаться от алкоголя? Год-три-пять?

— Навсегда, — твердо сказал я. Обратной дороги не было.

— Это правильное решение.

— Иначе нет смысла.

Чудо-дед поднес палец к губам, ш-ш-ш.

Я вспомнил ночь в рехабе. На соседней койке похрапывал сосед, а я смотрел на верхушки заснеженных елей через окно. Звездное небо говорило: не бойся. Ели походили на пару замерзших в неудачной попытке разрушения Годзилл. Нарушая режим, поднялся с постели, тихонько стал спускаться с третьего этажа. Первые две недели на реабилитации я курил сигареты, иногда желание курить было нестерпимым, так одна тяга мимикрирует под другую. Уже зная, какие ступеньки не скрипят, спустился мимо комнаты админа. Вышел на веранду, занесенную февральским снегом, босиком. Глядя на луну, сказал себе, что смогу. Ноги кололо и жгло лютой ледяной коркой. Было где-то – 12. Я скурил полсигареты, потом взял бычок в левую руку и вжег его в правую, между большим и указательным пальцем. В том месте, где обычно держу ручку. Но шрама почти не осталось, и через четыре месяца случился первый срыв. Потом еще один — меньше чем через месяц — случился второй срыв, который заканчивался здесь и сейчас.

— Ясно, — сказал Чудо-дед и уставился мне прямо в глаза. — Как пытались бросить?

— Дважды завязывал сам на долгий срок. В этом году полежал на ребе.

— Тут где-то?

— Под Петербургом.

— И сколько они брали?

— С меня 50 тысяч... Это со скидкой.

— Фу, — Чудо-дед скорчил брезгливую гримасу.

Я попытался задать какой-то вопрос, но он резко махнул рукой и начал говорить. Он говорил минут 25, все время глядя мне в глаза. Первые пару недель я помнил его монолог, но когда начинал записывать по памяти, вся магия пропадала. Думаю, этот дед — не просто врач на пенсии, но правда святой. Он много лет проработал наркологом

и теперь миксовал разные практики лечения, вкладывая свое внутреннее пламя, к которому следовало искренне потянуться. Искренен ли я?

В принципе, почти все, о чем он говорил, я читал в литературе, обсуждал эти вопросы с ребятами в психушке и на реабилитации. Но Чудо-дед имел убедительный голос. Я смогу, я смогу, я смогу.

Он дошел до кульминационного, как я понял, места, и перешел на ты:

— Запомни. Первое. Не существует никакого повода. Хорошо тебе или плохо, праздник или горе. Нет повода. Нужно выпить со всеми — выпей компот.

Я кивнул.

— Второе. Можно разливать, можно смеяться с другими. Но ни в коем случае не пробовать. Ты не самый умный. Ты болен. Кто-то может выпить рюмку, у кого-то дома есть бар и он каждый день проходит мимо бутылок. Но это не твой случай. Можно обмануть других, реже себя, но ты никогда не обманешь болезнь.

Я кивнул.

— Третье. Кефир или квас — сколько в живот влезет. Но пиво, лекарство на спирту, нулевка — все это исключать.

— Нулевка?

Он опять: ш-ш-ш.

— Раньше я разрешал безалкогольное, и многие срывались. Запомни, что такие поддавки добром не закончатся. Рано или поздно за компанию на шашлыках или в гостях ты глотнешь обычного пивка. А как только алкоголь окажется в тебе, если ты алкоголик... А ты алкоголик, как мы сейчас поняли... Твоя болезнь проснется. Через несколько дней ты будешь в запое.

Я дернулся в сторону рюкзака.

— Можно мне взять ручку и блокнот?

Чудо-дед опять отмахнулся:

— Я сейчас повторю это 20 раз. Не надо ничего писать. Сердце открой.

Он повторял, он искал свежие образы. Болезнь можно поставить на паузу, но не отмотать назад. Ведь он прав, у меня было всего два непродолжительных срыва после ребы, но я быстро дошел до новых рекордов.

Раз мне пришлось позвонить другу, чтобы не покончить с собой. Нужно было, чтобы кто-то услышал, как я плачу и боюсь. Есть только один человек, которого я решился потревожить этой ерундой. Во второй раз я без гондона в первую же встречу трахнул девчонку-корейку во все три отверстия. А через несколько дней гулял с другой девчонкой по центру Владивостока, и начал ей сперва отлизывать, а потом и присовывать прямо на улице. Если бы не знакомство с Вероникой (наши сексуальные отношения начались прямо в офисе у друга-басиста, где я ночевал пару дней до того, как заехал в квартиру), я бы катился дальше, пока кто-то не подобрал бы меня. Сопrotивляемость алкоголю заканчивается. Вероника все-таки спасла меня, спасибо ей, что бы ни случилось после, спасибо тебе, Вероника.

Чудо-дед велел закрыть глаза, а сам орудовал со свечами. Потом взялся за мою макушку и грудь. Мы простояли так минут пять.

— Что вы чувствуете?

— Некоторую панику.

— Сейчас какое-то тепло, холод, что-то происходило?

— Мне было страшно. Но я не почувствовал сверхъестественного. В экзорцизм ваш поверил, но не буквально.

Чудо-дед замер с непроницаемым лицом, видимо, пытаясь что-то внушить. Еще я понял, что ему не нравится моя педантичная манера изъясняться. Врачи этого не любят, они считают, что разговор — это лишь фоновая музыка, а для меня он способ отфильтровать смыслы. Но факт

в том, что хоть потусторонние вещи со мной происходят, сейчас подыгрывать Чудо-деду я не стал.

Со мной все, может, и случилось, но без спецэффектов.

— Спасибо. Думаю, я вас понял. Просто понял.

Достал пять тысяч, расплатился и двинул на выход.

— Удачи вам, — сказал он.

Мне захотелось освоить эту профессию, и если не так ей распоряжаться, то вложить этот опыт в книги. Все мои романы — это борьба с болезнью. Но, пока, видимо, лишь на время удавалось одолеть симптомы. Алкоголизм возвращался с новой силой.

У меня есть ответ: навсегда. Если и будет срыв, то я выберусь. Внимательно рассмотрел свои руки; близился вечер. Вот они пальцы, вот они ногти, фаланги, сгибы, вены, по которым течет моя кровь: будь честен. В деревенском магазинчике неожиданно обнаружилась пачка копченого тофу, которую я съел на остановке. Потом набрал Веронику, она должна была скоро закончить смену и выдвигаться ко мне. У меня где-то валялась одна таблетка феназепама, что нынешней ночью была необходима.

У нас случилась неделя тихого счастья. Во всяком случае, мне казалось, что это чувство обоюдное. Прежде всегда важнее всего был запах, а тут чувство прорастало как-то иначе. Питалась Вероника абы как, курила и, что самое мерзкое, — потребляла молочные продукты и (по временам, кичась этим и описывая подробности в своем вк-паблике) даже страдала запорами. То есть это была

не та женщина, которая пахла свежими цветами. Но ленивая косолапая походка, шутливые интонации, восторженно наигранное отношение к хую давали чувство реальности, жизни в моменте. Если я один, дни проносятся мимо, даже когда удается подчинить себе режим, много работать и заниматься спортом. Грезы выходят на первый план. Теперь появилась возможность без всяких ссор пожить как, может быть, живут нормальные люди.

Когда у Вероники были выходные, мы ездили в места купания, любимым из которых для меня стал малюсенький пляж в поселке Рыбачий. Можно было обойти скалы, и ты оставался наедине с Тихим океаном. Прыгаешь вниз головой и плывешь. Пару раз я ездил с ней по заказам. Разглядывал районы города, когда она надевала рабочую футболку, хватала сумку-холодильник и доставляла корейскую еду. У нее были мелкие рабочие шутки, типа называть персонал давалками Миринэ, или стишок, в котором холодная лапша — ведь курьерка Вероника — доставляет не спеша.

У нее были смутные творческие планы, она знала по именам многих здешних музыкантов, и вскоре по моей просьбе привезла в квартиру гитару и маленький комбик. Мы часто валялись в обнимку и предавались мечтам о творчестве. Еще я рассказывал о своем опыте — как записывался с тем или тем музыкантом, реп-певцом, и прочий-прочий кал.

— У меня будет альбом, Мои бомжи. Про всех неудачных ебырей (так она говорила, через BI). На тебе его и закончу.

— Да, недаром меня называют Принцем Бомжей.

— Так тебя зовут? Не слышала.

— Это мое тайное имя, да, я Супербомж.

— Хороший бомж, чтобы закончить карьеру шалавы.

— Хороший бомж — это не бомж!

— То есть плохой все-таки?

— Чем хуже бомж, тем он лучше, — согласился я.

Я делал свои дела, иногда ездил к Севе на Русский остров записывать музю. Вечером перед моим вылетом мы пошли в кино. Я купил билеты, и чтобы убить лишнее время, мы поднялись в ресторан, где Вероника пила пиво, а я — чай. После сеанса ей нужно было за руль, поэтому она взяла только 0,33.

— Как раз выссу, и в тачку, — заявила Вероника.

Я протянул руку и засунул палец в пену. Возникло искушение облизать его, даже время слегка замедлилось, но я просто вытер жижу о салфетку. Веронике принесли пасту, а мне овощной салат, посыпанный семечками. Порция была так себе, но все равно мне очень не хотелось улетать: август — лучший месяц во Владивостоке.

— Зачем я ввязался в кино это?

— Но это же интересно, вот и ввязался. А я тебя очень жду.

Мы стояли в очереди за попкорном у входов в кинозалы, когда пришло сообщение от Кости: Элеонора умерла.

Я ничего не сказал вслух, просто прошел к столику в ближайшем кафе и сел. Мелькнула мысль, что надо бы дать Веронике карточку, чтобы она не платила своими деньгами, но руки не слушались, тем более голос. Вероника расплатилась, подошла и спросила, что случилось, когда я растирал между пальцев несколько слезинок, которые выпали из глаз.

Я вдохнул и выдохнул, но сразу не вышло ответить.

— Эй, Супербомж, ты чего? Женя?

— Надо посидеть.

Вероника села напротив и просто ждала.

— Прости. Моя первая девушка умерла.

Вероника взяла меня за руку.

— Понимаешь. Хрен с ним, если вторая или третья. Но первая — это другое.

— Понимаю. Остальных будто и не было.

Такое участие проявила Вероника, что я понял: совершил ошибку. Нужно было сейчас сохранить это в себе, отмахнуться и не раскрываться. Но я уже открылся, и теперь не смогу ни в чем ей соврать. Я предварительно проиграл, она меня бросит. Но у меня есть какое-то время. Мы зашли в зал и выключили телефоны. Сложно сказать что-то положительное о фильме Найта Шьямалана *Время*. Я пил пепси, ел попкорн и старался не пропускать ни одной сцены, чтобы прошлое не проникло в этот хороший день, не всосало обратно. Правая рука лежала между ног Вероники. Актеры бегали по фантастическому пляжу, в котором время стремительно бежало и заставляло их стареть на несколько лет в час — как стадо овец по пустырю в момент землетрясения. Гарсиа Берналь выглядел так, будто его карьеру не восстановить после этого провала.

Когда режиссер появился в кадре, я шепнул Веронике, что это он. Кто? Найт. Найт, автор этого бреда.

— Найт, — тихонько сказал я. — Ты чего, брат? Ку-ку?

Фильм никуда не годился, и если бы не уродливый момент, где героиня, которую играет модель Эбби Ли Кершоу (нагуглил после фильма, понятия не имею, кто такая) переламывает себе все кости в пещере, меня бы, пожалуй, накрыло отчаяние от бессмысленности всего. Но благодаря этой нелепой сцене я испытал простое чувство — доброе старое отвращение. После фильма я зашел в туалет, выпил воды из-под крана и проблевался.

Да нет, сцена тут ни при чем, это реакция организма на новости. Дома мы по очереди сходили в душ. Насчет того, чтобы поставить пистон, сегодня не могло быть и речи. Вероника залипала в телефоне, ругалась со своим бывшим (она называла его исключительно абьюзером), который на днях вычислил, где мы проживаем, и поцарапал ей машину ключами. Я предложил зайти к нему домой

и поговорить жестко, но она сказала, что сама разберется. Потому что он настоящий ссыкун, которому будет много чести, если приду я. Бывший, кстати, дал мне заочное прозвище: Богатый Чювак из Москвы, и это было смешно, но сейчас смеяться не хотелось.

— Куплю чего-нибудь, — сказал я и пошел в магазин.

Мне показалось, что я увидел абьюзера, парня лет 25 в капюшоне, одиноко сидевшего на бордюре с видом на наш падик. Вспомнил, что и сам ждал так Элеонору, тихонько сгорая от ревности, пока она гуляла с какими-то торчками. Сейчас взрослеют позже, и мои 18 в пору его возраста. Я взял несколько батончиков из раздела диетического питания, сок, соевое мясо.

Когда шел из круглосуточного супермаркета, парня уже не было. Даже жаль: я был бы не против разок дать ему в челюсть, если бы он решился прыгнуть. Помог бы его становлению, взрослению.

Элеонора возникла рядом с моим другом и напарником Костей: училась с ним на отделении журналистики, то есть со мной на одном потоке. Сам я оказался на филологическом факультете, заурядном отделении: русский язык и литература. Сперва не обратил на Элеонору внимания, только поверхностно зафиксировал: какая-то относительно богатая неформалка из центра, решил я. Зачем она с нами курила на перерывах? Притом сигареты курила дорогие, у нее уже тогда была банковская карточка, одевалась она странновато, в сторону хиппи. Часто курила траву. Короче,

тянуло ее к богеме, а мы, видимо, и были местной богемой. Против травы я ничего не имел, но предпочитал все-таки алкоголь. Элеонора могла купить что-то поесть, но пере-думать или оставить банку недопитой колы. А еще она выглядела младше своих лет. В общем, я даже и подумать не мог, что она станет моей девушкой, никто из нас поначалу интереса не проявлял к другому.

Я вообще имел все меньше представления о том, какой будет моя девушка, с каждой неделей. Отдалялся от всех учебных процессов и выводов о том, на какую цыпу могу рассчитывать и будет ли у меня когда-нибудь ебля.

Как-то раз позвали в гости на пьянку домой к старосте журналистов. Я доехал до остановки Главпочтамт и там встретился с Элеонорой. Мы вместе сели в другую маршрутку и поехали через мост в частный сектор. Так получилось логистически, что мы ехали вдвоем, потому что у нее был мобильник, с ней я не должен был заблудиться.

— Подожди, — сказала Элеонора. — У меня есть одно дело.

Мы вышли на пару остановок раньше и пошли вдоль ветхих домов по осенней слякоти. Элеонора набирала какой-то номер и ругалась на длинные гудки. Потом она увидела цыганку и махнула ей.

— Стой, — сказала Элеонора мне.

Я остановился, она дошла до цыганки, обменялась с ней парой реплик, потом цыганка отбежала метров на 30 и указала куда-то рукой. Элеонора пошла в том направлении, махнула мне, и я пошел к ней. Далее мы нашли большую ржавую трубу, из которой когда-то текла канализация. В трубе Элеонора шарилась рукой, пока не нашла упакованный в пузырчатую пленку, обмотанный резинками, маленький пакетик травы.

— Ого, как сложно все у вас тут. Я бы не стал так заморачиваться.

— А покурить-то ты станешь?

— Откажусь едва ли.

— Ну вот, люби и саночки.

Лет до 20 я от такого не отказывался.

Нас ждала вечеринка в одном из этих ветхих домиков забытого Богом района. Пили водку, их староста вне стен университета оказалась обычной болтливой деревенской девкой. А ее парень вообще был участковым ментом, к тому же значительно старше нас. На всякий случай я старался не подавать виду, что накурен, но ничего: быстро напился, и это перестало бросаться в глаза. Разговоры происходили вокруг их тем: факультет журналистики, сплетни, местные газеты. Мне нечем было блеснуть, и в основном молчал.

Но каким-то образом все же мне перепало пососаться с крестьянского вида бабой — даже потрогал, кажется, ее за пизду и потом понюхал пальцы: пахло половой тряпкой. Вырубился на кресле-кровати. Проснулся рано, вышел попить на старенькую кухню, понюхал руку еще раз, тербя свой нос тремя пальцами, надеясь уловить ушедший запах вагины, может быть, отредактировать в памяти, но уже ничего не разобрал. Сам я провонял запахом какого-то сена, с чего бы?

Тут я наступил во что-то, оказалось — собачье говно. Пес бегал тут же, здоровая дворняга, толкался в меня, гад, и ему еще хотелось на улицу. К счастью, говно у него было достаточно твердое, и я не измазался. Убрался чутка и выкинул свой носок. После чего выгулял пса, умылся первым снегом, вернулся в дом, попробовал найти Элеонору и Костю — но их уже не было. Ни с кем не прощаясь, пошел в сторону остановки.

Наступило бабье лето, и на вечеринке в честь посвящения в студенты технически я вроде как лишился девственности. Все-таки сложно сказать, так это или нет. Но если считать момент проникновения твоего хуя во влагалище

девчонки достаточным для того, чтобы больше не считаться невинным, — это произошло.

В нашем городе университет находится в самом центре, и второй корпус стоит прямо напротив здания филармонии. Там есть небольшая прогулочная зона, с елочками и скамейками. Но, может, сейчас все изменилось, давно там не был. Мы сидели в этом скверике ранним вечером, десяток болтливых девок и три-четыре парня. Пили кольяк из пластиковых стаканчиков, запивали соком из картонных коробок. Праздник, так сказать. Студенчество, романтика, все это я чувствовал.

В какой-то момент ко мне подошла девчонка с интересной азиатской внешностью и спросила:

— Зачем ты подошел к микрофону неделю назад? Ты что, псих?

— А ты о чем вообще? Какой микрофон?

— Устроил торжественную клятву! Ты не помнишь? Пьяный был!

— Не знаю, что на меня нашло. Вообще случайно вышло. Мне стыдно.

— Ты дурак! Псих! — она засмеялась.

Теперь-то я знаю, что когда тебя называют психом, это переводится как выеби меня, но тогда не знал и попытался оправдываться.

Да, все было так, как говорила девчонка. Несколько дней назад с похмелья я подошел к микрофону в большой аудитории. Студентки и студенты уже расселись, но лекция еще не началась, препод задерживался. А я хотел просто проверить, работает ли микрофон. И кашлянул в него. Оказалось, что работает. Кашель пролетел над аудиторией. Все уставились на меня. Человек 70, в основном будущие старые девы, но и несколько горячих штучек, не успевших определиться с выбором специальности и случайно оказавшихся здесь по блату.

— Торжественно клянусь перед всеми, кто здесь есть, неделю не пить, — сказал я и, краснея, проследовал на задние ряды.

Всем, в общем-то, было плевать, но меня запомнили. В тот же день или на следующий клятва была нарушена.

У этой девчонки была смуглая кожа, черные-черные волосы и косые глаза. Это косоглазие и сработало как искра, подожгло коньяк. Мы выпили вместе, и я попробовал поцеловать ее. Она как будто только этого и ждала — я протянул ей язык, спародировав персонажа Николаса Кейджа в фильме Без лица, а она принялась его обсасывать, пока над ней подтрунивали подружки. У меня стоял, как штык, мы выпивали, целовались дальше, опять выпивали.

— Обожаю персики, — приговаривал я.

Прямо как в том фильме.

— Тогда я твой персик.

Потом я сказал:

— Пойдем за филармонию? Спрячемся там.

— Зачем?

— Мне нужно тебя ощупать.

— Ты чо, не говори такое... Пойдем ненадолго.

Стемнело и стало прохладно.

— Эй! Вы куда?

— Никуда-никуда! Скоро вернемся.

— Лейла, ты куда?

— Тебя правда так зовут? Круто.

Я ухватил ее за зад. На ней были джинсы и короткая кожаная курточка. Кажется, мимо ходили люди.

— Что, прямо здесь? — спросила она.

— Заросли, и ничего не видно.

От тротуара нас отделял облезший кустарник, на котором осталось несколько желтых листьев. Он не спасал: мы были как на ладони. Я сел на корточки, принялся стягивать с нее джинсы. Лейла качнулась, сосредоточилась

и помогла мне. Ее лобок смотрел прямо на меня. Никакого трепета, никакого испуга, как будто мной сейчас управляли предки, не раз выдавшие вагины. Выбрито было так, что осталась только тоненькая черная полоска.

— Очень красиво, ты молодец.

— Я еще этого не делала, — сказала эта девчонка.

— И я тоже.

Потрогал пальцами ее волосики.

— Как холодно, — сказала Лейла.

Я встал так, чтобы мы стояли лицом друг к другу, она прислонилась спиной к филармонии. Она взяла обеими руками хуй и несколько раз дернула за него, неуклюже, вверх и вниз. Мне не пришло в голову проверить готовность напарницы: я просто стал тыкаться — и кажется, попал куда надо. Про то, что вагина может быть сухой или влажной, я еще не знал, в порнухе (которую на тот момент я почти и не смотрел) бабы всегда были готовы. Было довольно неудобно, застрявшие под коленями джинсы не давали толком раздвинуть Лейлины ноги, а развернуть ее раком я просто не догадался.

Но стало тесно и тепло — так я понял, что внутри.

— Ой, — сказала она. — Ой-ой! Мне страшно!

— Не бойся. Чего ты боишься, Лейла?

Все происходило как в игре. Управлялся со своим персонажем, нажимая клавиши, но события не касались глупины Я. Не было неудержимой похоти, не было ощущения подлинности.

— Давай найдем презерватив.

— Ладно.

Если бы я был в процессе, вряд ли бы согласился. Сделал еще несколько фрикций, и мы разъединились. Почему не разбавить приключение поисками гондона? Окей. А то вдруг родит мне ребенка, что с ним потом делать? У филармонии никого не было, и мы пошли искать

ее подружек в универе. Презерватив не нашли, но они позвали меня пить чай.

Их было трое, жили на съемной квартире. Я долго сосался с Лейлой, пока мы ехали к ним, потом сидел с ней на диване в однушке, пока рядом хихикали две дурочки. Предложить потрахаться где-нибудь в ванной не додумался, и она тоже не предложила. В итоге распрощался и успел на маршрутку. Настроение у меня было очень хорошее, в тот вечер и ночь я долго делал домашнее задание. Кажется, единственный раз подготовился к урокам. Неужели у меня есть девушка? Лейла, думал я. Прикольно. Как героиня книги или фильма. Косая, странная, здорово. Но на следующий день мы просто прошли мимо друг друга, как незнакомцы, без всякого приветствия. Не понимаю, что мешало. Трезвый я еще ни разу не смог приблизиться к противоположному полу, а тем более поцеловать.

Я говорил, что не надо. Сказал об этом два или три раза. Проводы смущали меня, но Вероника все равно пошла со мной в здание аэропорта. За жизнь летал на самолете не меньше сотни раз, но никогда еще не провожали на рейс. Мы прошли через сканеры. К счастью, надел ремень с пластмассовой пряжкой, и не пришлось его вытаскивать из петель. Праздник был в самом разгаре. В большом зале, в который попадаешь в первую очередь, кавер-группа играла говнорок на небольшой сцене. По моему, это была песня группы БИ-2, не самой любимой моей группы. Пассажиры образовали жидкий полукруг и сонно смотрели на зрелых и несчастных музыкантов, поющих песню про целующиеся автомобили.

- Это что такое?
- Сама впервые вижу. В честь тебя, видимо.
- Знают, как порадовать, мрази.

Мы проделали путь к стойкам прямо через эту вечеринку — идти пришлось между зрителями и поющими. Я взял Веронику за руку, чтобы не улететь в космос от недоумения.

Проходя на досмотр, обернулся: Вероника стояла, как бы разыгрывая похуизм, но вместе с тем нежная, трогательная. Послала воздушный поцелуй, сразу сделала пальцами рук сердечко, сделала па — пока я ловил поцелуй на лету зубами. Я пошел в дыру в стене на зону посадки. Еще обернулся: она плыла, изящно вертя задом, на выход. Подумал сделать какую-нибудь романтическую ставку в духе князя Болконского, но ущипнул свое предплечье и сдержался.

С годами болевой порог повышается, во всяком случае, у меня. Все меньше трогает жизнь, все меньше трогает смерть. Тихо смотришь в свои грезы, особенно оставшись один. Но иногда прошлое приближается, вот как сейчас в самолете. Кора отваливается, год за годом, слой за слоем, и будто снова ее нет, остаешься голенький, как очищенная веточка. Думаю, что моя первая смерть состоялась в подростковом возрасте, в 16, когда я упал с мотоцикла и чудом отлетел в сторону. То есть я не отлетел в сторону, мотоцикл упал на меня, и я умер. Думаю, это было реальностью, которую мои друзья увидели со стороны. То, что происходит теперь, не более чем призрачное, гипотетическое существование, жизнь

по заветам Паскаля. С тех пор я и не взрослею, не меняюсь изнутри, только приобретаю навыки, совершенно к тому не стремясь. Горький опыт добавляет мимических морщин, кожа отвисает, ну и все, понемногу гаснет энтузиазм. Когда огонек потухнет, я исчезну, но не из-за того, что состарюсь до смерти. Помню, как вышел из больницы и не мог заставить себя даже ходить в школу. Еще отец в те дни хотел отправить меня к репетитору, и тогда — нужно было ехать в первый раз на занятия по русскому — со мной случилась паническая атака. Мне казалось, что этих локаций и персонажей просто нет: маршрутка больше не ходит в город. Университет и преподша, которая будет меня натаскивать на сдачу экзаменов и ЕГЭ, — это финиш, ловушка смерти, конец территории.

В самолете у меня с собой была первая часть автобиографии музыканта Моби. Весь полет читал ее, иногда прерываясь, чтобы послушать песню-другую с его первого альбома, сохраненного предварительно. Сначала было очень интересно и вдохновляюще: много технических подробностей плюс чувствовалось, что человек сам писал книгу, и у него есть литературный талант. Диджей, христианин, веган, меломан и панк. Столько всего в одном парнишке. Особенно понравилось описание свингерской вечеринки, куда Моби пришел подиджеить. Он спрашивает себя: что мне делать, если мне попытаются присунуть? Этично ли будет отказать? Ну и потом он влюбляется в красотку, которая участвует в оргии, глядя ему в глаза с отрешенным видом. Самое поэтичное место в книге, когда он тонет в ее прекрасных глазах, в момент, когда красотке запикивает унылый клерк. Пока Моби жил на заброшенной фабрике, сводил пластинки и писал первые будущие хиты, мне было очень интересно.

Потом пошли алкоголь и печальная ебля, и все повествование приобрело оттенок исповеди. Мало того, что территория уже изучена мной самим, так еще и рассказ перестал казаться поэтичным. То есть перечень грехов

стал важнее художественных деталей. Баланс был нарушен. Нет ничего более жестокого, чем когда о твоей книге говорят, что она исповедальна. Для меня высшая похвала — медитативность, вот этого здесь и не хватало. Может быть, мой друг Михаил Енотов что-то такое увидел у меня во втором томе второго романа? Поэтический пласт он не считал и воспринял это как исповедь? Может, и я просто не смог считать это у Моби, кто знает.

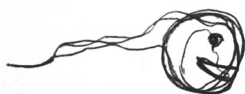
Я открыл заметки в айфоне, написал начерно несколько строк к будущей песне дьявол. Мне вдруг стало ясно, почему продюсер Феликс Бондарев сказал, что между Моби и русским рэпером Нойзом МЦ можно поставить знак равенства. Какое-то неприятное говнарское чувство вызывала эта книга, жалость, полностью лишенную сострадания. Такое чувство во мне с детства вызывают говнорокеры с их философскими поисками и лишенными красоты песнями.

К удивлению, продюсерша смогла справиться с моими требованиями, и мне дали постный обед в полете, что редкость сегодня. Аэрофлот, кажется, последняя российская контора, где на внутренних рейсах кормят еще и приемлемой едой, а не мясным калом. 15 лет назад это не было проблемой, а сейчас авиакомпаниям совсем плевать: их руководство уже лично ходит на ковер к сатане, а тот велит потреблять мясо в каждый прием пищи, чтобы человек больше внешне походил на скот и по запаху не отличался от падали. Но мне повезло. Я дочитал книгу и приземлился. Сегодня у меня была запланирована встреча с режиссером, но его рейс задержался из-за пожаров в Якутии, где он провел несколько дней на подборе локаций. Поэтому я поехал на такси в гостиницу.

Герой Итана Хоука в одном из фильмов моего любимчика Линклейтера говорит: мне нравятся гостиницы, они располагают к сексу. Я осмотрел номер, выглянул в окно: там подростки играли в баскетбол, принял душ и лег на кровать. Я не люблю Москву, но в такую хорошую летнюю погоду

даже здесь хорошо. Конечно, порочные мысли возникают в условиях командировки, а тем более в городе, где в любой момент может оказаться одна из девочек, с которой вы держите друг друга на галочке (про запас). Потраخаться и вырубиться сладким сном, чтобы назавтра чувство вины гнало к новым свершениям. Если бы не Вероника (хотя она прямо сказала, что не возражает), я бы позвонил одной девочке. Но нет, слишком хорошие отношения сложились.

Поэтому просто тяну вечер и перехожу на московское время.

Залип в инстаграме — порочный тетрис, так я называю эту игру. Чтобы понять, удачно ли сложатся ближайшие дни, надо понять, чего ты стоишь. Делаешь какое-нибудь селфи, стараясь там не выглядеть ни слишком привлекательно, ни слишком уродливо, так, чисто обозначить локацию, день, одежду. Краткая и в меру остроумная подпись: Принцесса в нумерах, например. Выкладываешь, а потом смотришь, как сходятся планеты. Через несколько часов очертания ближайшего будущего начинают проявляться. 24 любовницы у меня в подписчицах — и я подписан на них. Само собой, имеются в виду бывшие любовницы, хотя и лайки Вероники я тоже буду считать, ведь никогда не знаешь, перепихнетесь ли вы еще раз с текущей бабой. Если ты в настоящую секунду не на бабе, не в бабе — на всякий случай считай ее бывшей, гласит народная мудрость.

Но женщина, переспав с тобой, получает некоторую власть над твоей судьбой. Отлайкав твоё изображение,

она дает немного силы. Если же важные — особенно те, с которыми ты встречался по несколько лет, женщины — игнорируют тебя в социальных сетях неделями, добра от судьбы не жди, — прогноз работает лучше, чем гороскоп.

В этом порочном тетрисе у меня счастливое число — восемь, и пока выше этого результата не поднимался. Когда я насчитываю восемь сердечек от девчонок, с которыми некогда покувыркался, то появляется чувство, что я хороший человек и иду по тропе своей судьбы. Пять-шесть — приемлемо, но восемь — большая удача и великий рекорд. Иногда еще их лайки появляются рядом. Например, аватарки бывших жен друг под другом, а рядом еще добренькая блядь, с которой ты переспал один раз мимоходом и вы расстались лучшими друзьями. Мне стыдно за это, но я делаю скрин экрана и подрисовываю соединительные линии, выделяю удачные композиции в этом параде планет. Да простит меня Пизда Всемогущая, я лишь радуюсь этим картинкам и вскоре их удаляю с теплыми словами благодарности. Никаких сексистских целей не преследую, правда.

Я подумал, что описание такого вечера напоминает печальное эссе в духе раннего Уэльбека. Если бы у раннего Уэльбека была половая жизнь и внушительный ряд бывших любовниц. Он, к сожалению, такого был лишен в 90-е, но, дорогой молодой Мишель, я дарю тебе их, посылаю в прошлое, зная, что твоей печали и дара это не уменьшит, но пусть мой пустой приветливый презент доберется к тебе в одну из вселенных.

Надо было поставить точку над всеми этими яичными размышлениями. Я выбрал нейтральное порно (актриса не вызывает нежности, а только желание механически сокопиться), передернул в салфетку, что достал из картонной коробки, стоявшей на столике, посмотрел на себя в зеркало — кто это вообще? — и отправился пешком во вьетнамскую жральню, чтобы съесть огромную порцию фю чая.

III

Самоубийство Лёджика для меня было загадкой, давало почву для размышлений, печальных и ностальгических, на протяжении многих лет. Оказывается, такой внутренний детектив остается с тобой навсегда (как и смерть матери), и ты в итоге лишь смиренно уживаешься с одной из собственных версий, да и то на неизвестное время.

Потом вдруг открывается новая деталь: о печатной машинке я вообще не вспоминал до этого года, а ведь получается, что это один из первых в моей жизни по-настоящему волшебных инструментов, связанных с инициацией.

Мы ехали с Леджиком на мотоцикле вдоль реки — его мотоцикле с люлькой, — когда я улетел с обрыва. Леджик сидел сзади и объяснял мне как переключать скорости и управляться с машиной, но я все перепутал, запаниковал и дал газа, когда меня стало кренить к пропасти. Леджик попробовал меня сдернуть, но не вышло. Так я и улетел. Рассказ об этом уже написан, и он называется Первый покойник, одна из моих ранних литературных удач. У моего друга Валеры Айрапетяна, что прочел текст одним из первых, вызвало сомнение то, что я явственно увидел надпись гейм овер, когда летел вниз.

Но это было так, я помню это, надпись возникла, и сразу же я потерял сознание. В этом убежден больше, чем во всем остальном — надпись была, и я видел такое, финальная заставка, поражение в игре.

Когда пришел в себя, то увидел, что Леджик смотрит на меня сверху, увидел, как он обрадовался, что я жив. Мы

стали близки в тот день, как две тени. Пришлось искать подмогу — потом долго вытаскивали мотоцикл, тот в итоге остался цел, но люльке сильно досталось. Мне было плохо в те дни, но дело было не столько в сотрясении мозга; я просто не чувствовал в себе сил, достаточных для взаимодействия с людьми. На собственные подростковые переживания не хватало. То что я пролетел мимо коряг и камней, отсоединился в полете от мотоцикла, скрутил сальто с высоты трехэтажного дома, и на мне не осталось ни царапины, я считал чудом. Но оно не радовало, а тяготило. На приеме у женщины-невролога я преувеличил все симптомы, просто чтобы взять передышку и спрятаться. Голова разрывается. Да, тошнота невыносима. Да, рвало. Меня госпитализировали. В больнице я много читал и пил спирт с другими пациентами, бандой 30-летних неудачников.

Но там я не прижился. Один раз я задрочил во сне, и койки, стоявшие спереди и сзади моей, начали качаться взад-вперед. Даже не поняв, что происходит, я был разбужен чужим смехом.

— Женьк, дрочишь там, что ли?

— А? Да. Похоже, что да.

Мужики ржали надо мной из темноты.

— Это во сне, руки чесались, — оправдался я.

Но в последующие дни мое появление вызывало смех. Кто там был? Тот парень, похожий на пьяного Владимира Высоцкого, что меня спалил. А также бывший героинщик, перешедший на спирт. Был еще чувак с сотней шариков дробы в ноге. Сельская больница для них как курорт, они несколько месяцев валялись там в отпуске. Раз я видел, как один из этих ребят помогает уколиться своему (пришедшему навестить его) брату. Мне тоже предложили ханки.

— Нет, я только по бухлу, — растерялся я.

В общем, посылать их или отшучиваться в ответ, я не решился. Когда происходил следующий обход, врач спросил:

- Как себя чувствуете?
— Здоров. Хочу на выписку.

На следующий день отец приехал за мной. Медсестра напоследок отчиталась перед ним, сдала меня, что пью со взрослыми. Не знаю, правда ли отец чувствовал запах, но он остановил свою маленькую Оку и купил мне жвачку в первом попавшемся ларьке. Какой же это был длинный день. В тот же вечер я был впервые замечен отцом с сигаретой, а еще я узнал о самоубийстве товарища.

Так и увидел Леджика снова — он лежал в гробу. Через пару дней я разглядывал его под трагическое молчание родственников, любопытные взгляды зевак со двора, а также специальных плакальщиц, взявшихся непонятно откуда.

— Он у меня был веселый парень, любил улыбаться, — сказал мне его папа, указывая на портрет в рамке, висевший над гробом. Леджик, красавчик с выразительными глазами, дамский угодник и аферист, пьяница и дегенерат, насмеялся оттуда над собственным трупом, упакованным в пиджак. А снизу — лишенное жизни лицо навсегда запечатлело отчаяние. В любой момент звони мне, — скажет усталым голосом Валера через двадцать лет. — Ты знаешь, я работал в морге и видел самоубийц. Это худшее, что может случиться с твоей душой. На них больно смотреть, сынок.

Сколько лет мы уже называем друг друга сынками, надеюсь, эта традиция останется с нами до тех пор, пока один не исчезнет.

Как будто произошла ошибка, смерть взяла Леджика вместо меня. Только после похорон я вспомнил, что у меня в кладовке валяется печатная машинка, которую он дал мне месяц назад.

— Мне она не нужна, — говорил Леджик. — Вот и будешь стихи свои печатать.

— Спасибо, это очень щедро! — ответил я, испытав смущение и почувствовав себя шарлатаном.

Леджик лег в землю. Я заправил ленту и взялся за дело. Сначала нерешительно. Пока разберешься, где какая клавиша, пока научишься правильной расстановке пальцев. Оттягивал момент рождения стиха. Но нужно было отвечать за свои слова. Я давно уже говорил друзьям, что моя судьба ясна: я поэт и писатель. Хотя еще ничего не написал, они во мне не сомневались, и это — было крепким подспорьем. В отличие от них, никто из моих членов семьи всерьез такую возможность не воспринимал. Наверное, отчасти этим ценнее всего друзья отрочества — они не сомневаются в нас еще до того, как сделаешь первые успехи. Никого так не любишь, как тех с кем ты был в подростковые годы. Я никогда не сомневался в них и до сих пор люблю. Треск от машинки стоял дай боже, поэтому я (одевшись потеплее: пара кофт и шерстяные носки) занимался набором букв в сенях — ветхой деревянной пристройке ко входу в дом. Чтобы никому не мешать, чтобы быть наедине со своими богами.

Но сначала это еще были не стихи, а учебные задания, высосанные из пальца мысли о персонажах Тургенева и Гончарова, плюс отдельные строки из Маяковского, Блока, Хлебникова и рэп-текстов Алексея Перминова, я печатал их, воображая, что оно пишется мной сейчас. Также я перепечатывал свой рэп, улучшал уже написанное от руки. Печатная буква выглядела совсем иначе. Даже читая отпечатанный рэп, я воспринимал его по-другому, как куда более профессиональную работу. Потом подвернулась пара интересных заданий. Учитель-технолог (в выпускном классе у нас труд переименовали в технологию, в связи с этим, он, похоже, решил придумать изъебистое задание) велел нам написать сочинение на тему: что будет, если люди станут легкими, как пушинки? А на уроке

физики завуч задала эссе на тему: смысл предмета. Никто, кроме меня, эти задания не выполнил, и мои тексты зачитывались вслух. Они возымели некоторый успех среди учителей. Трудовик сказал, что меня ждет большое литературное будущее, а физичка отнесла мое сочинение директорше, которую пробило до слез и соплей. Это были первые взрослые, которые отнеслись серьезно к тому, что я написал. После этого я решился прочесть отцу рэп-текст.

Это было у пивзавода, куда мы заехали взять разливного для семейных посиделок после сбора картошки. Я попросил его послушать меня три минуты.

— Рэп, это как стихи, — сказал я.

— Да я знаю, что такое рэп. Читай.

— Там без мата, не волнуйся.

Прочитал ему текст о невозможности ужиться с самим собой, о том, что любая история искажает подлинные события, что работа поэта — наблюдение за обрывками реальности. В припеве использовалась слабая (как говорил отец) рифма.

*беда мне с собой
так сложно ужиться
я себя на убой
закормил небылицами
не зная больше развлечений
этим ограничил спектр приключений*

Мы замолчали. Дождь моросил, на лобовом стекле работали дворники, а на коленях я ощущал полосатый пакет со свежим пивом. Живым, пахнущим хлебом, пивом в коричневых пластиковых бутылках, упруго давящим на стенки тары, желающим пениться и разливаться в стаканы. Казалось, что мы сидим слишком близко друг к другу. Ока — очень тесный автомобиль, и я упирался

макушкой в потолок. Стало стыдно, я подумал, что сейчас отец упрекнет меня в последней рифме, такой неуклюжей: чений — чений. Но он не упрекнул, а почти минуту смотрел вперед на автостоянку и на стекло, и потом сказал:

— Тебе же всего 16.

Всю ночь она плакала.

Директриса так, во всяком случае, сказала, когда я пришел к ней на ковер, вызванный в результате многочисленных прогулов. У меня тогда был зашит нос после драки и часть лица заклеена пластырем.

— Я плакала всю ночь!

— Простите?

— Твое эссе. Оно очень хорошее. Ты понимаешь это?

— Простите, я не хотел вас расстроить, Ольга Владимировна.

— Что с тобой происходит? Ты пьешь. На уроках появляешься редко и с похмелья. Мне позвонить отцу?

— Не больше, чем другие. Не нужно, пожалуйста, тревожить отца.

— Что значит тревожить? Ты не хочешь ничего рассказать?

— У него новая работа. Платит кредит и у него свои проблемы. Я не хочу, чтобы вы ему звонили.

Она встала и подошла ко мне. Ей было за сорок, и она была крупная женщина, но все еще горячая, такой я ее вижу через полжизни. Тогда этого я в ней не разглядел, интернета у нас не было, как у меня не было представления

о подразделе видео момс тич секс. Теперь невольно ассоциирую ее с этой категорией. Тогда же ее крупная фигура и выпирающий из-под блузки бюст мне напоминали носовую часть бронетранспортера, на котором меня собираются переехать.

— Я тебя обниму? — не понял, вопрос это или утверждение. — Тебе ведь не хватает материнской любви, да?

Признаться, я ожидал чего угодно, но не такого. Выскочил в коридор с ощущением неловкости, со стыдом и застывшими слезами в горле. Никогда ни с кем я не говорил о таких вещах, как материнская любовь, и понятия о них не имел. В голове картинки: мать говорит, какой я красивый, потом бьет мокрым полотенцем. Потом мы вдвоем на мичуринском участке, и я говорю, чтобы она не стеснялась переодеваться передо мной. Мне было семь, и тогда я проявил хитрость, хоть не был к ней склонен. Так она просто стала переодеваться при мне, а я пялился на ее грудь. Мне все равно не интересно — мерзость всегда была частью меня. Но нельзя сказать, что это была похоть, я же не желал трахнуть собственную мать? Просто хотел посмотреть на грудь. Почему я думаю об этом?

На Новый год я опять приблизился к черте. Мы гуляли с моим другом и одноклассником Мишей, заходили в гости к разным людям. Начали еще с вечера, за пару часов до Путина и курантов. В какой-то момент оказались у парня на год старше, что уже закончил школу. Там были и девчонки, и одна мне понравилась. Я решил перейти в режим автопилота, чтобы дело само пошло: замахнул полстакана водки, тут же, ища взглядом, чем запить, нашел на столе бутылку жигулевского, открыл ее зубами, раскрутил в руке, создав воронку, и залил в пасть.

— Ого, он пьет как конь!

— Учитесь, дети, пока я жив.

Я смачно отрыгнул, но почувствовал себя не очень. Звезды заплясали в голове, желудок затрепетал

в горле. Я зашел в уборную, где меня сразу сильно вырвало. Включил холодную воду и принялся лить себе на голову. Не помогло, было поздно. Мир начал отдаляться — вдруг между ним и матрицей, на которую падает изображение через объективы глаз, возник черный тоннель, и начал расти и расти, и виньетка постепенно обрызгала края, пока изображение не превратилось в маленькую светлую точку — почти не заметную на черном.

Случайно спасла мать парня, вернувшаяся домой. Она уже разогнала вечеринку, когда услышала звук воды, лившейся на полную мощь. Заглянула в ванну, рванула включать воду и наступила на меня — посиневшего, скрючившегося на полу у заблеванной ванны и не дышавшего. Матери парня пришлось стереть блевотину с губ и сделать мне искусственное дыхание. Вот и единственный поцелуй ушедшего 2001.

Новый год я встретил в отделении острокишечных отравлений. Помню там совсем маленького пацаненка, говорящего на жаргоне.

— А че, блять, — говорил он, показывая проколы от капельницы на руках. — Вот решил я водки попробовать. Надо было пить пиво. А ты?

— Просто переборщил.

Я посмотрел на свои руки. На них были такие же проколы. Мне сказали, что привезли меня сюда без обуви. В коридоре висел дисковый телефон, с которого я позвонил Мише.

— Забери меня, пожалуйста!

— А сам чего, Жука?

— Я без ботинок.

— Да ты был в ботинках. Это они проебали.

Он приехал за мной. Но и мои ботинки нашлись. В результате мы стояли и ржали на остановке, в пакете — опасная обувь. Погода была мягкая. Там мы встретили моего

деда. Он ехал на день рождения к отцу — рожденному первого января.

— Ты пьяный, что ли, до сих пор? — спросил дед.

— Да нет, ты чего. Поехали вместе.

Миша стоял рядом и насмешливо смотрел на меня. Когда мой дед его заметил, Миша улыбнулся и сказал с новым годом. Когда в автобусе я сел рядом с Мишей, он указал мне на одну девушку.

— Ей показалось, что ты ей улыбаешься. А не деду. Она стала в ответ улыбаться, а потом обломилась. Познакомиться не хочешь, Жук?

Ого, это была какая-то одноклассница моего сводного брата, значит, ей было лет двадцать. Как это я не заметил? Может, получилось бы закадрить. Я дернулся встать, но передумал. Не было сил на такое:

— Ну что ж, шанс я упустил, видимо.

Резко наступила осень в поселке Подножье, а я не совсем рассчитал по деньгам. Но вдруг украинский издатель прислал немного, и их хватило на куртку, новые джинсы, носки и флисовую кофту. Так было приятно одеться во все новое и пройтись по деревне. На пустом пляже искупался, вылез из океана на пронизывающий ветер. Плюс пять, но ощущается как что-то в районе нуля. Оделся, и быстро домой, вот он — мой красивый грязно-бирюзовый цвет нового бомбера, как и море, в котором отражается пасмурное небо. Натянул капюшон на лысую голову, ее побрил накануне и смазал кокосовым маслом. Больше ведь ничего

и не надо: ощущение свободы и начало крепкой дружбы с книгой, которую пишешь. От меня требуется лишь присутствовать, жать на клавиши — взамен она дает чувство нужности. Мы вместе грустим и радуемся. Душа книги как и душа человека, отзывчивая и ревнивая, но ты ценишь моменты с ней иначе, отдаешься, не предвидя боль, ведь когда работа (или лучше использовать слово труд) будет закончена, вы расстанетесь без сожаления и без обоюдных манипуляций.

Писал под сольные альбомы моего хорошего знакомого Павла Додонова. Потом читал эссе Льва Толстого Что такое искусство? Настолько он мне близок своей сварливостью, унылым остроумием — что иногда читать невозможно. Как в зеркало-увеличитель смотреться. Вот описывает Толстой впечатления после того, как побывал на репетиции балета — как будто мои собственные со времен, когда я подрабатывал на телевидении. Может и я — один из его ублюдков, проросшее семечко или же оживший кусочек перхоти, у которого появились руки и ноги. Похотливый моралист, критическая карикатура на мирскую жизнь.

Но я не был зашедшим в чужое закулисье графом, а был самым низкоквалифицированным работником, плевком, грязью, массовой на телеке. Внизу сидел и уже тогда имел все те же мысли, пусть и не так изящно оформленные. Вот он оператор, во рту у него воображаемая мной сигара (член сатаны!), и ему надо лишь повернуть камеру несколько раз за эти долгие часы и пару раз нажать на кнопку. Иногда проверить, сохраняются ли файлы на все носители в правильных форматах. А вот его ассистент, который нюхает пердеж оператора, чуть-чуть двигает платформу-сиденье босса, и у него самого несколько мелких бесовских залуп — перекатываются за щекой. Когда оператору станет невмоготу или найдется место,

где можно будет еще меньше работать, ассистент займет его место, а вот ассистент — ассистента. Тому даже рабочего места не досталось, да и от залуп только творог из-под капюшона крайней плоти. Но ничего! Есть ведь возможность карьерного роста! А вот и участники шоу, наемные артисты, эти живут в таком животном шевелении, что и сравнений для них подбирать не надо! Кто же у нас гвоздь?! Вот он — ведущий, которому надо отснять семь передач за три дня, посмотрите, как он бегаёт, вот это работяга! Как быстро он меняет интонацию. Может быть, его интонации не инновационны и неоригинальны, но это добрый старый и, главное, качественный актерский контент! Отсюда он еще ездит в театр, на другую галеру. Только там он работает для души, прикиньте! Тут-то он для бабок! Этот бедолага, которого я помню из детства! Тогда он был на вершине карьеры и рекламировал утюг-пятновыводитель Вапоронэ, разглаживающий и чистящий одежду паром. В роли продавца утюгов он был неподражаем. Настоящая одержимость:

— Во-первых! Направленная под углом струя пара температурой 120 градусов избавит вас от любой самой застарелой грязи! Во-вторых! Вам больше не нужна химчистка!

В белом пиджаке он подпрыгивал на месте. Он так сосредоточен, энергичен, видно, что ему просто необходимо в максимально сжатый срок рассказать обо всех достоинствах данной игрушки. Приходится тараторить, но он не прикусывает язык! Достоинств бесчисленное множество, а ведущий произносит все их без запинки! Великое ремесло, большое искусство! Наверное, некоторые поклонники до сих пор ходят к нему на спектакли и мечтают, чтобы после шекспировского монолога он рассказал им что-нибудь про ебаный чудо-утюг.

Прости нас, ебанатов, фанатов рекламы, боже.

— Понимаешь, я не хочу быть просто обезьянкой-актером. Поэтому я буду тебя ебать по каждой сцене, — сказал я Максиму.

— Я готов держать оборону, — ответил он.

Мы сидели в вегетарианском ресторане, Максим угощал. С нами были видеооператор, который будет снимать сегодняшнюю репетицию, и жена Максима. Не то чтобы это имело значение, но Максим и его жена оба оказались компактными людьми, по внешности явные якуты.

— И ты вот так каждый день ешь? — спросила она.

— Чуть менее роскошно, но примерно так.

— Я вообще не могу без мяса.

— Да можешь, просто надо попробовать.

За трапезой я задавал вопросы по своему персонажу. Кеха, так его называли друзья, полное имя Иннокентий.

— На зоне Кеха был обычным мужиком?

— Да, мужиком. Он может постоять за себя. Занимался боксом в детстве. Ты как? Умеешь?

— Посетил несколько тренировок. Но я планирую еще походить, не проблема. Меня, то есть Кеху, ебали в жопу, пока он сидел?

Тут жена поперхнулась. Она вклинилась в разговор и уточнила:

— Женя, когда у нас дома будет дочь, ты, пожалуйста, используй другие слова. Хорошо? Так-то она у бабушки...

— Хорошо.

— Нет, думаю, в жопу его не ебали, — задумчиво ответил Максим над тарелкой пельменей с соевым мясом. — Он ни во что не ввязывался, отсидел спокойно. То, что

он сидел за брата, мы убираем из сценария. Это остается за кадром, но, скорее всего, где-то пошел на принцип и убил человека.

— Самооборона?

— Да. Когда на него напали. Сейчас просто хочет спокойной жизни. Вообще-то на золотой завод не берут отсидевших, но связи отца помогли. Проблемы начались случайно... Из-за охранника.

— Да, это я понял.

— Охранник, Сиплый, он как змей, окутывает Кеху. Понимаешь? На самом деле эта история произошла, потому что Сиплый был влюблен в бабу по переписке. Но врал ей, что он один из руководства на заводе, и ему нужно было срочно разбогатеть...

— Ага, и Кеха случайно подвернулся.

Жена Максима предложила съесть по веганскому десерту.

— Наестся не могу вашей постной едой, — сказала она.

Я охотно поддержал предложение.

После ресторана переместились к ним домой, в квартиру в трех минутах от Чистопрудного бульвара. Обстановка была минималистичной, умеренно-богатой. Мне выделили комнату, в которой был кабинет Максима. Здесь мне предстояло жить неделю до командировки в Якутию. Основные съемки только через полгода, но несколько смен планировались уже сейчас, чтобы команда сработалась и часть локаций была освоена.

На подоконнике лежали две камеры блэкмеджик покет, 4К и 6К, и несколько объективов. Все можно было трогать. На полке — награды за документалки, на стене афиша фильма Генезис два ноль, международного успеха, трамплина, на котором Максим влетел в пантеон высших существ. Теперь я должен был обосраться вместе с ним на подступах к игровому кино. Мне это было не впервой: все фильмы, в которых я участвовал, — лютая ебанина. Диван для сна в комнате тоже был.

Расположились в просторной гостиной — и одновременно кухне. Тут было все для кайфа: виниловый проигрыватель, прислоненный к стене хипстерский велосипед на тонких колесах, и даже скейт. Я на нем покатался от стены к стене, пока Максим и оператор решали, что будем снимать и в какой последовательности. Жена подливала в графин воду с лимоном, было хорошо. Разложили на столе раскладовки. Я обратил внимание, что в плане компоновки сцены и видения кадра все было четко. Но у Максима не было опыта работы с актерами, поэтому мы ждали ассистентку Таню, опытную актрису, которая будет ему помогать на первых порах, и, собственно, моего кинобрата.

— Максим, а какой стиль? Есть один фильм, который стоило бы держать в голове, чтобы примерно понимать интонацию?

— Пророк Одиара. Посмотри.

— О, да. Это хорошее кино.

— Смотрел?

— Не один раз.

Потом начались пробы.

Месяц назад я уже был в этой квартире, но ничего не запомнил. Это случилось в момент моего срыва. Лютая жара стояла и в Питере, где я находился, когда меня настигло предложение сняться в кино, и в Москве, куда я потом приехал на пробы.

Но начнем с Петербурга.

Мне нужно было зайти к подруге в бар, передать ей ключи от квартиры, в которой я вписывался. Там я сел и принялся читать сценарий с ноутбука. В баре было очень прохладно и хорошо, разливая пиво для посетителей, проходя мимо меня, случайно ловя взгляд, подруга — Камилла — каждый раз улыбалась. Она угостила меня кофе, потом безалкогольным элем. Сценарий был плохо

написан, осилил я только половину. Но на пробы все равно согласился ехать, рассчитывая, что дочитаю уже в дороге. Вдруг там будет интересно и возникнет чувство, что мне это надо? Переключился на книгу Возможность острова, которую тогда перечитывал. Это удивительная вещь, один из самых поэтичных романов, что я читал, и дойдя до трети, понял, что моя завязка — это идиотский лицемерный поступок. Уловка мозга называть трезвость лицемерием! Но все клятвы тогда затерлись, и мне потребовалась рюмка в руке перед трагедией персонажа, самого несчастного на планете комика, Даниэля.

— Камилла! — сказал я. — Ты выпьешь со мной самого дорогого рома, какой только у вас есть?

— Цветочек мой, ты уверен? С чего ты решил так?

— Понимаешь. Друга встретил, — я указал на синюю обложку. — Не могу с ним не выпить.

— Ну берегись! — сказала Камилла. — Ты сам решил, любимый мой цветочек.

— За тебя, Мишель! И за тебя, детка.

Мы чокнулись. Дальше я смутно помню. Другая личность взяла штурвал. Не знаю, сколько переписок я вел, чтобы случился секс, но он случился через пару часов. С утра я хотел найти следы — но двойник потер все чатики. Вызванная любовница уехала, а я так и не кончил. Опохмелка, купе до Москвы, еще девчонка, секс-секс, и я навестил Супербориса, который чудесным образом тоже развязался в те дни. Невозможность протрезветь и проваленные пробы, гневный звонок продюсерши с угрозами, что обратный билет она сдаст. Не сдала. А сдала бы — купил бы себе сам, какая разница. А может, затусил бы в Москве, там больше женщин, готовых меня терпеть. Но я уже оказался в купе, где залез на верхнюю полку. Было так жарко-душно и невозможно. Вагон прогрелся насквозь, и я разделся догола еще до того, как поезд

тронулся. Так жарко, что хочется хуй залупить. Так, кажется, пела группа Кровосток.

С утра соседей не было, а меня отчитала проводница: я распугал всех своей нагой шашкой, и меня даже не могли разбудить. Люди попросили пересадить их в другое купе.

— Что мне сделать, чтобы загладить вину?

Оказалось, достаточно купить банку газировки. Мое прощение обошлось в 100 рублей, со страной все было не так уж и плохо, пока люди могут договориться на таком уровне. Я прошмыгнул через проход, спрятавшись в капюшон, и стоял в тамбуре за 20 минут до прибытия, рассчитывая убежать первым. Мне казалось, что я хорошо справился с тем, чтобы слиться с тумана, но в следующем месяце звонок режиссера настиг во Владивостоке: я был утвержден на главную роль. Это как? Никого другого Максим не видел.

На вступительных экзаменах я познакомился с двумя будущими друзьями: Костей и Игорем Кузнецбергом. Хотя Кузнецберг был опытнее и образованнее нас с Костей вместе взятых, он не прошел по баллам. Кузнецберг уже поучился прежде в универе и бросил, может быть, из-за этого ему занизили оценку за творческий экзамен и не взяли на отделение журналистики.

С Костей мы сошлись на любви к рэпу и трип-хопу, и я знал, что скоро мы сделаем свою группу. Я приходил к нему в гости, мы играли в ГТА 3, нарезали сэмплы для рэпа, а как-то раз я принес Косте распечатки своих поэм.

— Надо показать их Игорю Кузнецбергу, — сказал он. — Он поэт. Удивительный, как Александр Блок. Читал Блока?

— Ну да, учил фрагменты поэмы Двенадцать. Но не очень понял. Революция и Христос там, что-то такое.

— Стихи Игоря тоже сразу не поймешь.

Причем тут был Блок, я так и не понял, но позже Костя признается, что назвал Блока лишь потому, что нравилась фамилия, а со стихами в тот момент еще не был знаком.

Но с Кузнецбергом Костя меня свел. Ранней осенью, я помню, на набережной на лавочке, тот рассказывал героические небылицы:

— А я ему говорю, ты знаешь вообще, бритый, кто такой Шикльгрубер? Он говорит мне, ты че выебываешься, я говорю, но я-то в школе ходил на уроки истории, хуле, и в спортзал тоже ходил. Он говорит, ну сигарету-то дашь? Держи. Слушай, так две, может, дашь? А хуле две, когда ты одну попросил?

С Кузнецбергом у нас был какой-то соревновательный момент: мы писали стихи и вдохновляли друг друга. На каждую встречу я готовил небольшой стишок, а иногда — поэму. Кузнецберг не отставал, его стихи были крупными и мастерски сделанными, зато поэм он пока не писал. Мы зачитывали вслух, по бумажке или наизусть, в нашей небольшой компании.

Кузнецберг, как и я, читал очень много художественной литературы. Это он открыл для меня библиотеку Либ.Ру и сайт с переводами Лавка языков. Это его мама, увидев меня, сказала, что у меня трагическая внешность, как у Маяковского. С тех пор многие меня называли Маяковским на филфаке. А еще Евгений, так сократил Кузнецберг, или, когда мы были пьяны, то Евгеша.

Часто, когда я ехал на занятия, выскакивал из автобуса раньше и шел к Кузнецбергу, специально задерживаясь,

заходя в магазины, тормозя и прогуливаясь по соседним дворам, чтобы дать его матери возможность уйти на работу и не заметить меня.

Потом кричал под окошком:

— Иго-а-а-арь!

Когда он высовывался, я потрясал пакетом с сигаретами и двухлитровой пива, на которые уходил полтинник, что отец мне давал на два дня. Один раз мы целый день по очереди писали бред, который приходил в голову, и получилось совместное эссе с названием Мелодия для контрабаса и флейты — новый литературный манифест. Я скинул все свои стихи и поэмы на дискету, добавил туда все, что дал мне Игорь, и отнес к отцу на работу. Отец распечатал в нескольких экземплярах, продырявил и скрепил на станке. У нас была первая книга. Мне нравилось, что рабочее время и канцелярские материалы филиала Газпрома (а там отец работал, хоть и презирал данное учреждение) уходит на наш самиздат.

— Евгеша, ты талантливее, запомни! Но я пишу лучше. Надеюсь, что ты никогда не догонишь, — так говорил Кузнецберг.

Если я получал стипендию или дотацию на проездной, то случался настоящий праздник. Мы могли пить что угодно и целый день. Но всегда после пьянки возникало желание что-то прочитать. Обычно, пока возвращался домой, я трезвел и полночи проводил за чтением.

Ближе к зиме Кузнецберг резко перестал со мной общаться на несколько месяцев.

— Мне нужно браться за работу, — сказал он. — Это все несерьезное, подростковое, стихи эти, книжки самопыльные.

— Ты меня, что ли, как бабу решил отшить?

Я схватил его за шею и прочитал душный монолог о нашем долге перед поэзией. Когда мои силы иссякли,

Кузнецберг отряхнулся и ушел вверх по лестнице в свою квартиру, в другой мир; потом уехал в Томск, работал там охранником в конторе собственного бати. Но все равно также страдал, пил и писал. Но я его проклял вслед, назвал ссыкуном и говноедом. От этих слов стало плохо самому, до сих пор бывает плохо.

Так я стал проводить время с высоким придурковатым третьекурсником Дмитрием Чемодановым. Он носил растаманскую вязаную шапку и любил поболтать о Кастанеде и пользе легкого алкоголя. Мы ошивались по улицам Центрального района, употребляя дешевый напиток виноградный день из пластиковой бутылки и покуривая через Чемодановскую трубку остатки наркотиков, найденные им в карманах.

— Евгений, тебе надо пить больше, но медленнее, — говорил Чемоданов, странно занижая голос и чутка притормаживая. Долго я не находил аналогов этой манере, пока не узнал, что такое московский акцент. Так говорит, например, великий издатель Михаил Котомин и не менее великий писатель и издатель, мой друг, Зоран Питич.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, вот ты когда мало выпьешь, не можешь даже общаться с людьми. А когда много выпьешь, превращаешься в быдло или грустную свинью. Поэтому нужно вычислить литраж и постоянно поддерживать кондицию. Понимаешь, дружище?

Я мог прочитать ему стих или рэпчик, иногда Чем что-то хвалил, но это было совсем не то — мне очень не хватало Кузнецберга. Поэтому мы в основном мусолили сюжеты книг. Пес обоссал Кастанеду. Дон Хуан сказал то, Дон Хуан сказал се. Хуйня какая-то. Осознанное сновидение, чтобы в нем присунуть красоте.

Когда выпал первый снег, на перемене мне сказали: тебя Чемоданов искал. Он у первого корпуса.

Я вышел к курилке и увидел его.

— Пойдем, Евгений, — он взял меня за куртку и потащил за собой. Решительный, как самоубийца, красный, как человек в агонии.

Мы перешли дорогу, зашли в магазин. Чемоданов взял банку какого-то стремного напитка, я пока не хотел пить. Потом мы зашли во двор. Он залпом выпил бухло, достал складной ножик из ботинка и раскрыл его, нажав на кнопку.

— Ой-ой, полегче, — испугался я.

Чем нанес несколько ударов в голый холодный воздух и взвыл, будто сделал больно себе самому.

— Я сказал ей вчера! Сказал, что люблю ее! Сказал, что больше так не могу, что мне нужно либо все, либо ничего! А она! Она сказала: ладно, ничего! Слышишь меня, друг?

— Да кто? Марина? — так звали его девушку, депрессивную бисексуалку с тягучим дыханием и следами оспы на щеках. — Вы расстались с Мариной?

— Элеонора! Мы влюблены в нее!

— Кто мы? Чем, ты бухой с утра.

— Евгений! Услышь меня. Мы — оба! С моей Мариной!

— Что?

— Оба любим Элеонору!

Я даже не знал, что у них там происходит, что они все знакомы между собой. О тройничках я читал в книгах и пару раз наблюдал их на видео. Например, в фильме Пуля с Микки Рурком была такая сцена с второстепенным персонажем. Ее сейчас и представил, только вместо того тупорылого качка-метросексуала был Дмитрий Чемоданов, высокий и неуклюжий, как богомол. Элеонора примостилась у него на коленях и целовала Марину. Кошмар. Чемоданов принялся пинать сугроб. Человек, который иной раз в приступе пьяного самодовольства назвал мои и Кузнецберга стихи беллетристикой, вел сейчас себя очень странно, я еще

такого не видел в своей короткой жизни. Это было материалом для сентиментальных книг нового Тургенева или новейшего Ремарка. Но насмешка не мешала проникнуться его болью. Боль передавалась мне. Я вспомнил волосы Элеоноры, как она ходит, смотрит, как улыбается, как морщит лоб и надувает губы, как смеется. Как-никак, успел подружиться с Чемом и поддался сейчас его настроению, как будто сокамерник-девственник, которому показали фотокарточки чужой герлфренд. Заразился его болезнью, и вместе с этим бедолагой захотел все или ничего.

— Постой, Дима, — сказал я. — Мне должны компенсацию за проезд дать! 120 рублей. Надо найти мою старосту и набухаться.

Он остановился. Пар валил изо рта, глаза покрылись паутиной страдания, борода и усы торчали в стороны непослушной проволокой.

— Нехуевый варик, адекватный, — наконец, произнес Чемоданов.

— Сейчас найдем способ утихомирить сердце, братан.

— Я не забуду.

Вскоре он будет рассказывать всем, что прирежет меня за то, что я, бывший друг, увел у него девушку.

От Вероники приходили очень чувственные послания. В ответ я слал небольшие видеофрагменты со съемки нашей репетиции-пробы.

— Крутой, — говорила она. Или: — О, жесткий тип, ма-ньяк.

Вечером, когда все было отснято — три пробные сцены, раскрывающие персонажей и наши с напарником актерские способности — я сидел в кабинете с Максимом, который монтировал материал на двух мониторах. На мой взгляд, получалось хорошо, и он тоже так считал.

— Я кончаю от вашего ансамбля, — сказал Максим.

— Полегче, надо дождаться зеленого от боссов! Зеленого цвета и зелени. Пока я не верю в кино, босс.

— А я знаю, что все будет хорошо.

Нужно было отправить сценки продюсерам, согласовать бюрократические моменты, выкупить билеты, которые сейчас висели в брони, докупить что-то по костюмам. Еще мне нужно было взять несколько уроков вождения: в Якутии предстояло водить автомобиль Нива с ручной коробкой передач. Но в жизни я водил только мопеды, и преимущественно в Индокитае, там, где левостороннее движение. Несколько лет назад я снимался в короткометражке, и мне нужно было сесть в старые Жигули. Мне быстро объяснили, что нажимать и как переключать скорости. К собственному удивлению, у меня все получилось с первого раза, я выехал за кадр, чтобы развернуться и ехать обратно. В какой-то момент дошло, что я еду по встречной полосе на трассе. Мне просигналила тачка и пронеслась мимо, совсем рядом, это был страшный звук, воздух встречного движения продул мозги. Точно, у нас же Россия, — догадался я и перестроился. А могло бы закончиться не очень хорошо. Может, это одна из промежуточных смертей, которые даже не осознаешь.

Максим продолжал монтировать, я попросил его надеть наушники. За его спиной разложил диван, постелил себе и лег. Из-за окна доносились звуки Москвы, из наушников Максима — реплики проб нашего кинофильма. Завтрашний день сулил аванс.

IV

Максимум, что мачеха могла сказать: бляха-муха. У нас дома никогда не матерились, было не принято. Отец использовал мат лишь дважды, и то — цитируя художественные тексты. Но и слова вроде я люблю тебя тоже никто никому не говорил. Я заставил отца сказать мне я люблю тебя, когда мне было 29. Вот в детстве мама часто так говорила, это я помню хорошо. Кажется, она была очень страстная. Сегодня ты получаешь много ласки, а назавтра по загревку. Но я знал, что сердце ее болит за нас, детей, и не обижался; но обижался на сестру, которая лишь вымещала злобу. Я годами держал эту обиду. Мама била сестру и немного меня. Сестра била меня. Еще мама крестила нас сразу после развода: мне было 6, сестре 12.

Как-то раз отец приехал в гости и сказал:

— Я считаю, что Бога нет.

Я подбежал к маме и заглянул ей в глаза.

— Дурак он, папка твой.

Тут что-то не сходилось. Я был очень впечатлен Богом, боялся его, сильнее всего переживал за Каина, Адамова сына. По матери у меня не было ни бабушки, ни деда, вообще почти все ее родственники умерли; я ощущал, что в библейских сюжетах, что пересказывает мама, кроется какая-то мистическая тайна, и через колено от высших сил принимал одновременно вину всех своих предков, в том числе братоубийцы Каина и божьего любимчика Авеля. Мне хотелось разгадать провокацию Бога, и, возможно, тогда бы я разгадал себя.

— Ты знаешь про Каина? Папа, про Каина? Он убил брата.

Отец сменил тему:

— У тебя теперь есть брат и сестра, — сказал он.

— Как это? Живые?

— Живые, конечно.

— Новые? Кроме Ольги? — нерешительно спросил я, ожидая, что случится розыгрыш.

— Не то чтобы новые. Сводные.

Я посмотрел на маму, а потом на отца.

— Да, сегодня познакомишься, — сказала мама. — Так твой отец решил.

Я стал бывать в его новой семье — ездили из Березовского в Кемерово. Не помню, называл ли я уже имена городов? Редактор, не бери в голову, пусть здесь они возникнут. Лео — скорее всего, он будет этим заниматься, тоже родился в солнечном Кузбассе, к тому же только что побывал там, и теперь пусть имена городов нашего прекрасного региона осветят текст.

Еще я виделся с ними на их маленьком участке, туда можно было за полчаса дойти пешком. Все с ними было интересным. Сводный брат научил меня считать до десятизначных чисел, программировать на приставке Зэд Икс Спектрум и делать парашют из платка, а из фишки для настольной игры — парашютистов. Мачеха казалась доброй и обаятельной и вкусно готовила. Сводная сестра была всего на три года старше, с ней было интересно играть. Можно было трогать ее кукол, она не злилась. Делая вид, что играю с ними, на деле знакомился на их примере с женской физиологией. А один раз я забылся. Смотрел, как сводный брат играет в приставку (на нее еще можно было загружать игры с аудиокассет), и показал жопу, как я думал, пустому пространству за собой.

— Ахаха, — услышал я смех сводной сестры. — Женька мне показал жопу. Просто взял и жопу показал!

Я очень смутился, думал, что она расскажет взрослым, и все решат, что я извращенец. Но сводный брат сказал:

— Показал и показал.

— Прости, я не знал, что ты там лежишь, Лена, — сказал я.

— А зачем ты ее вообще вытащил?

Тут выхода не было, и пришлось сказать правду, хотя я сморщился, готовясь к унижению:

— Хотелось, чтобы попа подышала.

— Показал и показал, отстань от него, — повторил брат.

Родная сестра стала бы издеваться надо мной после такого, но они нет, не стали. Домой возвращаться после выходных с новой семьей не хотелось. Когда я устал ил идти с мичуринского, отец, бывало, брал на плечи, хотя мне уже шесть было.

Еще раньше, в три-четыре года, помню, мог разговаривать только в присутствии отца. Дед и бабушка называли меня папиным хвостиком, и когда отец оставлял меня у них, я часами мог не слезать со стула. Старался ни с кем не контактировать, что очень обижало и раздражало деда.

— Он все время так сидит! — говорил он бабушке. — За все время только в туалет слез.

— Ну, вот так сидит.

— Они сказали, что придут, глазом моргнуть не успеешь, — говорил я со своего стула. — Сказали так.

— Что?

Я плакал и пытался объяснить:

— Моргал глазом, и вторым глазом, а папа и мама не приходят.

А когда отец перестал жить с нами, я еще сильнее его полюбил.

— Почему мама тебя выгнала? — спрашивал я.

— Не она меня выгнала. Так получилось.

Но я помнил их ссору, и что она кричала: уходи-ходи-ходи, а после этого отец больше не ночевал с нами. У меня вышло чувство, что жизнь моя сложится нормально,

только если мама умрет. Когда она умерла, я незамедлительно проклял себя и тоже приказал себе умереть в 35. Я переехал к отцу, а родная сестра к деду с бабушкой. Но с мачехой отношения не очень сложились. А потом, со временем, со сводными братом и сестрой я тоже научился контактировать.

Предельного отчуждения где-то в 17 и достиг, ровно посередине отведенного себе срока. Вроде бы выпал из детства, а куда двигаться нет представления. Посередине реки, а сил грести уже нет. Если бы не редкие и короткие вспышки, некоторые разговоры о литературе, если бы как-то раз, вернувшись с прогулки, я бы не застал отца гордо читающим мои стихи своему шурину на семейном празднике (конечно, я дико смутился и отобрал распечатку), то отчуждение затопило бы наш дом. Нежность иногда возникала, и это помогало вдохнуть, а потом опять серость.

Так мне казалось, будто меня выталкивает из так называемого родного дома за пределы. Границы были, но очага не было, и в этих ветхих стенах хотелось находиться, только если я бывал там один. Каждый здесь был сам по себе, только мой младший брат — общий сын отца и мачехи — мог еще общаться со всеми. Он связывал нас, мой брат по отцу, Ваня.

В декабре Элеоноре исполнялось 18 лет. К этому времени я уже обозначил ей свои планы, один раз поцеловал и даже написал рассказ Я никогда не бую в тазики, где она и Костя возникли как персонажи. Еще я зачем-то

вручил ей подборку стихов, которые она, в свою очередь, дала прочесть матери, ненадолго приехавшей из Москвы. Мать мимоходом признала мой талант, а сама Элеонора еще не прочла.

В тот же день был день рождения у А., нашей филфак-шлюхи-чемпионки. Праздновали сообща. Таких вот подростков оказалось довольно много в квартире друга Элеоноры. Этот паренек еще учился в школе, но уже жил сам по себе, такой он был взрослый пиздюк. Наступил момент: Элеонора позвала меня и Костю на кухню, где мы у форточки скурили жирный джойнт.

Костя превращался в зверушку от накурки, он тут же начинал мотать руками и петь Эминема или издавать нечленораздельные звуки. Я просто без остановки хихикал, особенно над теми, кто не накурился. Каждая фраза по делу (передай салат, пожалуйста, давайте тост за именинницу, почитайте Берроуза!) казалась вершиной тупости.

— А, дорогие товарищи, у вас пустота изо рта валится! — стонал я и смеялся сам над своими шутками.

Мы начали пить, и я быстро вырубился. Какой-то говнарь, новый парень А., по третьему кругу рекламировал над ухом Голый завтрак.

— Удивительный писатель! Он перевернет твою жизнь, Евгений! Костя, не скалься, ты накурен, а я вам говорю, парни.

Ночью я обнаружил себя на диване, лежавшим в обнимку с Элеонорой. Мы целовались так, как я еще ни с кем не целовался. Неспешно и без демонстрации навыка, просто от радости, что у нас обоих есть губы, и от ощущения нежности, застывшей как цветок в ледяном камне посреди зимы. Моя рука была у нее в колготках. Разрешалось кончиком пальца трогать сокровенное. Это Сибирь, на улице –30, и, конечно, на Элеоноре были теплые

колготки, а у меня под джинсами были подштанники. Вокруг по квартире валялись юные люди, стоял перегар и пьяный храп. Ничего не было видно, только контуры ее тела и маленького личика, которое я полюбил. Состояние было очень странное, кажется, у меня стоял как штык целый час или больше, и все это время Элеонора не давала себя раздеть. А как только позволила — и эти слои одежды оказались разбросаны вокруг нашего ложа (остальные спали в креслах и на полу), я уже ничего не мог.

Как будто лишился нервных окончаний, отвечающих за удовольствие сексуального характера, открытых еще в раннем детстве. От прикосновений в области паха возникла лишь неловкость, и член съеживался, как от холодной воды.

Делать было нечего, на кону стояли наши отношения. Припомнив какие-то приемы куннилингуса из фильма Американский пирог, взялся за дело. Торнадо языком, думал я. Ага, а еще, как говорил Джейсон Мьюз в Дже и Молчаливом Бобе, нужно тереться о него носом и приговаривать:

— Ах ты, мой говнючок!

Насмешка над собственной неловкостью была способом борьбы за бабу, и как только я нащупал клитор, действительно принялся шептать ему: ты — говнючок.

— Тс-с, — прошептала Элеонора.

Я проработал очень долго, эрекции у меня так и не случилось, но я кончил в трусы, без всякого удовольствия. Такая реакция, видимо, на стресс. Хотелось бы помыться, но было не оторваться, и, слушая, как она постанывает, я уснул у нее между ног.

— Евгений, ты спишь? — Элеонора потрясла меня за мои собачьи уши. — Хватит, хватит...

— Что?

— Спасибо.

— За что?

— Спасибо, — она притянула меня, поцеловала, и так, лежа друг на друге, мы вырубались опять.

Утром, на автобусной остановке, я прижался и сказал:

— Я тебя так! Сильно так. Вот так: а-а. Прости.

— За что?

— Прости, что не получилось. Не встал.

— Ты чего? Ну и пусть, что не встал. Было очень клево.

— Да?

— Надеюсь, что еще не раз так сделаешь.

— Наверное, если будет возможность.

Дома я немного проспался и позвонил Косте. Мне нужно было с кем-то обсудить возникшую ситуацию. Честно говоря, я был до этого брезглив к пизде, думал, что она обязана плохо пахнуть. А еще импотенция, откуда это взялось? Было непонятно.

— У меня не встал. С тобой такое бывало?

— Бывало, — ответил он. — Тут главное не думать об этом. А то навсегда стоять перестанет.

— Как ты выкрутился?

— Забыл думать об этом. А может, я уже импотент, честно говоря, давно не проверял.

— Как об этом не думать?

— Просто не бери в голову, у всех бывает.

— А еще я нырнул в пилотку. Позор мне. Шейм он ми!

— О, — удивился он. — Добро пожаловать. Я уж было решил, что ты станешь долго придерживаться этих понятий.

— Сам удивлен. Но ничего, мир не упал на меня. В зеркале тот же я, но только пиздолиз.

— Ага, на всякий случай, там у себя, на Металлплощадке, не распространяйся об этом. Вряд ли все поймут!

Приближалась сессия, и удалось отвлечься.

Часто принимаю (пытаюсь принять) это решение: планируй жизнь так, чтобы бабу туда было не вписать. Заполняй эти клеточки другими делами, научись быть один, одному всегда лучше, один ты надежнее, один ты хозяин себе и слову. Есть друзья, есть любимое дело, а бабы найдут себе ухажеров и без тебя. Но, засыпая в одиночестве, слушая шепот стен, стон ветра и зов нечисти, раз за разом предаю это решение: скрещиваю пальцы — отказываюсь от нирваны, обрекая себя на очередное перерождение.

Дни мои и так стали призрачными, а сегодня еще не было света, и я долго не мог приготовить поесть. Нет электричества, бойлер не работает — горячей воды тоже не было. Ноутбук был заряжен, и я понемногу печатал, вставал и ходил по холодным комнатам. Во второй половине дня случился лютый понос. Я грешил на вчерашнюю брокколи. Думаю, плохо ее промыл, когда ел сырой, и отравился. Туалетная бумага еще закончилась, каждый раз приходилось переходить с голой жопой в ванну и подмываться в холодной тиши. Длинные носки, поверх них еще короткие носки. Но все равно ноги мерзнут.

— Болеть полезно, — говорю себе вслух. — Поболей, обновись, продрищись, снова беги по жизни, не забывая пить много воды.

Уже несколько дней я ни с кем не общался, даже с Севой. Выхожу только на турнички, 12 раз подтянусь, потом еще в магазин и домой. Долго лежу на расправленном кривом диване, потом пытаюсь поймать призрак прошлого, чтобы подраться с ним и прогнать насовсем. Когда мне хватит сил, прыгну в маршрутку, погоню в рай.

Написал — и теперь сделаю.

Сделал — описываю. Вот что сейчас было. Только что я был на своем любимом пляже, на мысе Вятлина, между скал. Когда выпрыгиваю из маршрутки, уже чувствую предвкушение, как перед встречей с любимой. Полтора километра по гористой местности, стараюсь дать немного нагрузки коленям, с собой лишь бутылка воды. Тихий океан принял меня, у нас нежные отношения, но я не особо решителен в нем. Далеко пока не заплываю в неведомое, оно меня зовет, но не манит. А лучший момент — сушиться на камне, растирая промерзшее тело. Сажу там час, греюсь на солнце, но и ветром продувает. Думать о своих друзьях, родных, ушедших, нынешних и бывших, о девчонке с Сахалина, о Веронике, о К., о Д. и тех, кто был до них. О городах и морях. Можно вращаться в этой сфере-памяти, и когда движешься к одним воспоминаниям, теряешь другие. Краев не видно, но центр везде, куда движешься. Кажется, это письмо без определенного адресата стирает мою бесполезную зрелость, делая либо ребенком, либо старцем. Все срединное смысла не имеет.

На Новый год мы пришли в квартиру к дедушке Элеоноре, но его самого не было. Зато приехала мама. Мы с Костей принесли две открытки и бутылку вина, на которую надели шапку Деда Мороза. Где мы эту шапку взяли, ума не приложу. Кажется, я подобрал ее на полу в продуктовом магазине. Открытки были подписаны стишатами.

От Кости:

*на улице идет кропоткин
кропоткин шагом дробным
кропоткин в облака стреляет
из черно-дымного пистоля*

Он выдал стихотворение Эдуарда Лимонова за собственное. Костя в те времена часто так делал, и какие-то его шутки лишь с годами мне открылись. Раз даже написал рэп-текст, опираясь на его партию, не зная, что на самом деле это поэма Витухновской.

Сам я высосал что-то праздничное из пальца, зато текст оригинальный:

*санта-клаусы текут по проспекту
жру снег не найдя свою секту
как будто подохну вскоре
под взглядом белобородых
сидориных*

Сидорин — это была фамилия одного из преподавателей. Он читал лекции по устному народному творчеству, если я ничего не путаю. Хоть борода у него была черная, но очень густая. Такое упоминание мне казалось удачным способом, так сказать, снизить полет до капустника, чтобы сделать поздравление более адресным. С нами еще была одна девчонка, А., та самая любительница перепихона с каждым, кто оказывался рядом. Парень у нее уже отвалился. Я надеялся, что праздник пойдет таким ходом, что взрослые исчезнут в ночи, и найдется комната для меня с Элеонорой и для Кости с А. На всякий случай проследил, чтобы моя открытка попала моей девчонке. Там ведь и сердечко было дорисовано.

Выпили шампанское и мартини с мамой, парой ее друзей и нашей гоп-капеллой. Мама взглянула на меня и что-то шепнула Элеоноре.

— Хаха, красивый алкаш! — тут же произнесла Элеонора вслух, такая была оценка, поставленная мне.

— Хорошо, я запомню, — ответил я и мотнул башкой в сторону бокала. — Значит, можно не стесняться?

Внешности ее матери я не зафиксировал, вроде бы тоже маленького роста или еще меньше. Она показалась мне смешливой, доброй. Все, что приходит в голову, когда я пытаюсь что-то вспомнить о ней — лишь мудрость, которую от нее почерпнула Элеонора: замуж ни ногой, мужики воняют, особенно по утрам. Может быть, так оправдывала Элеонора свои лесбийские наклонности.

— А я воняю?

— Не очень сильно для мужика. Хаха.

Это был не лучший мой Новый год. В итоге мы поехали на такси (платила Элеонора) в общагу к А.

Маленькая комната, где она жила с мамой, имела вид захолустный. С разных сторон в коридорах раздавались пьяные нечленораздельные крики. Элеонора и А. сосались и хихикали, а мы с Костей пили, слушали музыку и ходили курить на лестницу. Очень неприятное было ощущение от этого здания, будто пиздюль висит над тобой и все никак не обрушивается. Мне очень хотелось уткнуться лицом в подушку, и засыпать, и не думать, все было не так, как хотелось. Но я крепился. Утро наступило, и пришел 2003, очередное разочарование.

На прощание я все-таки получил один поцелуй перед тем, как посадил Элеонору на автобус. Моя маршрутка не приезжала очень долго. Было почти тепло, пушистый снег валялся повсюду и все падал, был как ненастоящий, настолько чистый и пушистый, как бутафорский для рождественского фильма. Было тихо, город спал. Но иногда тишину прорезал какой-нибудь новогодний крик радости или варварское ругательство. На остановке сначала было еще два человека, но они следовали по другому маршруту и быстро уехали на других автобусах. Какое-то время, почти час, я мерз и пританцовывал совсем один.

Ее мама написала Косте в фейсбуке: Элеонора умерла. Мы, в общем-то, уже давно знали, что в какой-то момент так и случится. Кажется, у нее был рак, как следствие увлечений тяжелыми наркотиками.

— Там балабановские подробности, я тебе расскажу все при встрече, — сказал Костя.

Но я ничего не хотел знать, никаких подробностей, даже небалабановских. До сих пор я ничего не знаю.

Я только спросил:

— Можем мы попасть на могилу?

Ему пришлось это выяснять, и через некоторое время он сказал:

— Пока нет. Там даже нет памятника и адреса, и сама мать где-то в Твери.

— Но кладбище хоть в Москве?

— В Москве, да. Или где-то рядом. Когда станет что-то понятно, я скажу. Мы туда съездим, если повезет, брат.

— До сих пор по жизни нам везло.

Я делал зарядку — растянулся и отжался — в гостиной-кухне у режиссера, и его жена застала меня врасплох, когда я застыл, слегка кряхтя, в позе лодочка, вытягивая спину.

Жена режиссера варила кофе и расспрашивала: был ли я женат и какая была моя первая жена, сколько были вместе и чем занимались, и была ли вторая жена, и что сейчас с каждой из них. Я показал ей их профили в инстаграме, рассказал немного: вот первая жена, Оксана, у нее ребенок от повара-хохла, парня, с которым они работали в ресторане, вообще она умеет все на свете: от верстки книг до шитья; вот вторая жена, Д., она немного неуверенная в себе красотка, но ее сердце, кажется, понемногу открывается — может быть, мы опять сойдемся, я люблю ее. Тут я немного одернул себя, вспомнив про Веронику.

— Меня несет не туда, — сказал.

— Почему не туда?

— Да возврат в прошлое — это, с философской точки зрения, самое тупорылое занятие.

— Вот как. Почему?

— Да потому что ничего не вернуть.

Жена режиссера спросила: откуда у меня столько энергии? Ей кажется, что я все время пристально наблюдаю и ничего не упускаю из виду, либо все время шевелюсь, встаю, хожу, разминаюсь, трогаю скейт или камеры эти — не позволяю себе покоя и слабости. А еще сижу, выпрямив спину и глядя собеседнику в глаза.

— Это потому что мяса не ешь?

— Хаха, вряд ли.

— А встаешь ты всегда так рано?

— Нет, не всегда. И внимание часто рассеивается, просто сейчас такой период, нахожусь в рабочем режиме. Еще и хороший день планируется — скоро поеду записывать реп-песни к своему продюсеру Суперборису.

— А что за песни?

— Не знаю, по ходу дела разберемся, главное добраться до него, и дело само пойдет. Меня всегда радует и вдохновляет запись репа, это ведь дело моей жизни. Бог репа

благосклонен ко мне последние годы. Думаю, это приходит, когда 20 лет честно занимаешься каким-то делом.

Ее как будто искренне порадовал мой ответ. Она даже хлопнула в ладоши, и из-за того что она — якутка, переданная радость была с шаманским приветиком. По профессии жена режиссера детский психолог.

— Но у тебя хоть тема есть на сегодня? — не отставала она.

— Хочу написать песню про свою первую девушку. Она на днях умерла. Нужно устроить ей проводы.

— Это очень мило, — сказала жена режиссера. — Ты кофе пьешь с молоком?

— Нет, только черный. Молоко тоже не потребляю, как и мясо.

— Почему?

Я отхлебнул, и из спальни вышел Максим, спасая меня от 2038 разговора о том, что молочные продукты — насилие. Максим позвал меня в кабинет, и мы посмотрели еще раз то, что вышло из вчерашних репетиций и проб.

— Ты — мастер, — сказал Максим. — Лева тоже огромный молодец. Я в вас не сомневался.

Сцена в автомобиле действительно выглядела круто. Мы снимали во дворе, на деле же это будет происходить на пароме. Я и мой младший кинобрат объясняемся в автомобиле. У меня слитки золота в рюкзаке, я созвонился с человеком, договорился о встрече с целью сбыта. К брату приходит осознание, что мы совершили убийство. Он начинает истерить. Я говорю, что с ним ничего не случится, и он скоро отправится на вступительные экзамены в университет. Кинобрат вопит, а я хватаю его за голову, камера ловит мой взгляд, нежный, но и безумный:

— Это мои проблемы, это мои проблемы, все будет хорошо, — говорю я.

— Ты мне жизнь испортил, — отвечает кинобрат, он отталкивает меня и пытается открыть дверь машины, но у него не получается. Тогда я импровизирую:

— Это я тебя, блять, специально тут закрыл!

Ему удастся открыть дверь, и он выходит на паром. То есть в московский двор.

Мы еще о чем-то говорили с Максимом, я отвечал, но даже не думая.

— Буду поздно, — наконец сказал я и стал собираться.

— Ты же там не запьешь? — на всякий случай спросил он.

Максим курил айкос, на нем были белая футболка и тренировочные штаны. Выглядел он очень опрятно. Поделовому и интеллигентно, хоть и на спорте. Но все-таки он еще был маленький для игрового кино, как подросток в свои 30 лет. Все равно хорошо, что я согласился приехать, — подумал я. Провожу время и скучаю по Веронике, не сплю сейчас ни с кем, и это дает возможность поразмыслить о первой любви.

— Все в порядке, уже можешь не волноваться. Мы взяли за работу, я не подведу.

— До вечера. Надеюсь, сегодня все решится с расписанием.

— Мяу.

Поехал к Суперборису от Белорусского вокзала. Теперь на электричку до Одинцово можно сесть по карте тройка, что не могло не радовать. Я немного заблудился у станции, потом нашел дорогу к его дому, зашел во Вкусвилл, купил там копченого тофу и комбучу. Сел у подъезда на лавочке и попытался понять, о чем я хочу написать. Я уже знал, что хочу сделать небольшой релиз на сэмплы великих стариков: Линча и Гила Скотт-Хирона. Я переслушал первую композицию с альбома Большая мечта, где Линч поет, что любовь — это имя на ветру. В принципе, все было ясно: строки пойдут сами, как только мы засэмплируем фрагмент песни. Я поднялся к Суперборису, обнялся с ним, взял на руки его дочку, и мы прошли в жаркую комнату (потому что на солнечной стороне), где обычно записываемся.

— Гоенькая, гоенькая! — обычно тараторит дочка и показывает мне маленьких кукол. Их у нее две, очень сексуальные детки, которых я в свое время прозвал голенькой и горяченькой.

— А где же горяченькая?

— Ганяченькая!

— Она теперь в детский сад ходит. Влюбилась там даже, рассказывает про какого-то Сашу, которого хотела поцеловать, — сказал Суперборис, запуская секвенсор. Пока он говорит об Оле в третьем лице, она и не слышит. Но стоит повернуться к ней, — Расскажи про садик, про Сашу, Оля? А? Что там за мужик у тебя?

Оля сразу вспыхнула и закрыла лицо руками.

— Молодец, настоящую шлюху растишь, — сказал я. — Вся в отца.

— Да, скоро тебе на концерт отправим.

Мы немного потыкались в программах, настучали ударные, сменили чуть-чуть темп, и минут через 15 черновик музла уже был готов. Текст сразу пошел, целый куплет на одну рифму:

*я надеялся на отмену рейса
мы будто собрались ебаться на рельсах
но твоя голова уже отлетела
а я даже еще не разделся
сначала оплакивай потом смейся
прошлое навалилось на высоте десять км
насколько же недооценена мужская девственность...*

— О, заебись получается, — сказал Суперборис. — Текст мне нравится. А тебе? Скажи, Оля, Оля?

— Гоняченькая, — ответила Оля, но, кажется, уже начала путаться, кто из кукол голенькая, а кто горяченькая. В какой-то момент обе куклы стали голенькими, мне нравилось их раздевать, поэтому я и сделал это.

V

Вставать не хотелось: выключил будильник и опять уснул. Сплю последние дни очень много, писать все тяжелее. Может быть, от осенней хандры, может быть, от того, что отопление было не включено (вот только включили), а может быть, роман от меня ушел на середине разговора, и такое бывает. Позвонил Сева, сказал, что едет в город, и я сразу же встал, чтобы не терять день: переоделся (из-за холода спал в домашней одежде), налил воды в бутылочку, взял полотенце, плавки и вышел.

Сева довез меня до остановки ТЭЦ Коммунальная, и я пошел на мыс. Спустился по канату прямо в суперместо. Снова никого на моем маленьком пляже, только видно рыбаков на лодках, в паре сотен метров отсюда. Я переоделся, полез в океан, шел вперед по подводным камням. Обычно я иду по ним, где-то переползаю, где-то переплываю, а потом с одного удачного места ныряю в холодный кайф. Но вода уже почти ледяная, и я не дошел даже до этого местечка: ноги сразу же начало ломить. Поэтому занырнул, где было по колено, полежал там немного, под водой, отсчитывая секунды. Досчитал до десяти, да и бегом на скалу, где обычно греюсь, принялся растирать тушку полотенцем. Смеялся, радовался. Жизнь идет, даже если я не пишу. Жизнь делает щедрые подарки, когда я чередую письмо и дни без. Спасибо ей за этот участок мира, за знакомство с ним. Этот фрагмент вселенной дает мне ответы на глубинные, так сказать, вопросы.

Не можешь — не спеши, — такое было промежуточное наставление. Если это говорил сейчас не бог репа, то океан,

который понимает мое тело. Ты же, говорит, дал себе срок — до января. А если это говорил не океан, то это был сам роман, который жил рядом со мной. А может, я сам себя гипнотизировал: в декабре все получится, если сейчас впопыхах не можешь закончить. Все-таки проза требует полной отдачи — а у тебя сейчас будет реп, будут новые стихи, будут выступления и встречи с друзьями, с которыми давно не виделся; так что когда со всем этим покончишь, роман выйдет на первый план.

А еще надо проститься с К.: даже если не лично, то просто искренне попросить у нее прощения и самому простить в душе. Не как у судьи, а по-человечески, она же богиня, нельзя держать на нее затаенную обиду. А то сломаешься. К тому же, злость на нее есть маскировка того, что ты еще любишь и сожалеешь, вот она опять и снилась, пизда такая! Я добрался до остановки и понял, что этот день — очень хороший, один из лучших во всей жизни. Но маршрутка не ехала.

Интервал все растягивался, наверное, уже две маршрутки не приехали. Со мной стояли хорошие люди: парень и девушка. На этой трассе, продуваемой океаническим ветром, между холмами, под редкими могучими электростолбами. В ощущении края материка и последней искорки уже давно ушедшего лета меня кольнуло мимолетное счастье.

— Здравствуйте, — сказала милейшая девушка. — Мы вызвали такси. Сядете с нами?

— Спасибо, да. Я вам переведу треть стоимости?

Я потряс телефоном и уже открыл приложение Тинькофф. Такси как раз возникло из ниоткуда.

— Да мы уже оплатили, садись, — сказал парень и поправился. — Садитесь.

Мы сели. Я подумал, что хорошие люди могут оказаться слушателями репа: мне даже на Русском острове такой попадался. Но тогда бы они раскололись, сказали бы

что-нибудь о моем величии. Нет, ура, хорошим людям было срать до моей персоны, чудо: они просто попались сегодня, как монета под ногами.

Я сидел спереди, уже начиная прощаться с этими всеми красотами, а парочка хороших людей — сзади. Мне казалось, что у меня дико воняет изо рта, стало неловко, вдруг все здесь учуют. Наверное, понос был одним из симптомов отравления, а еще у меня изо рта воняет, — ужасался я. Приставил ладонь к пасти — запах не усилился; пронесло, воняло изо рта у водителя, и на этом замечании реальности начался стих. Я печатал большим пальцем правой руки строки в телефон, и вдруг вспомнил, что сегодня ровно три месяца с моего визита к Чудо-деду. Покойник-двойник шевельнулся в гробу.

Тук-тук, тут-тук.

Я не умер, я прикинулся, а ты поверил! — моя болезнь сказала это, она была здесь. Все еще частью меня. Стало ясно, что я прибухну. Свободы воли не было. Ничего было не поделать, да и не хотелось сопротивляться. Даже если позвонить Владу, товарищу из рехаба, даже если поговорить со всеми анонимными алкоголиками мира — все равно я выпью. Даже если закрыть себя в какой-то квартире, двойник, удар за ударом, разрушит тюрьму, прикинется, что дал мне контроль, а потом сделает максимально жестко, пихнув в бухло, как кредиторы пихают должника головой в унитаз.

На центральной набережной я дописал стих, попивая бурбон. Маленькую бутылочку за пять сотен рублей, тряс ее в руке, любовался солнцем в напитке чайного цвета. Такой гадкий бурбон, черт его дери, с ним любой стих допишется. Один раз у меня была договоренность с представителем джима бима — те должны были оплатить реп-группе макулатура бензин в европейском гастрольном путешествии, за то нам следовало палить бутылки

в ежедневных видеоотчетах. Я выложил только один видос, из города Таллин, а потом фотоаппарат заглохнул. Во втором городе я не смог сделать видео, и дальше уже плюнул: от Риги до Берлина просто плыл через опьянение. Мы с Костей и водителем пили спонсорский бурбон каждый день, и я в итоге оплатил бензин из своего кармана, так и не продавшись. По иронии судьбы, я не продался. Зато испытал огромное чувство вины за нарушенную договоренность. Джим бим очень приятно пить, решившись на срыв. Как будто это отравленная клопами вода, что сразу обжигает весь пищевод и дает быстрое, но плавное эфирное опьянение. Любой бездарь, получи он такой напиток и ручку с бумагой, будет услышан богами. Мой стишок тоже был годный. Я приложу его в конце, будем считать, что здесь сноска.

Вот и все. Дописал, выложил в инстаграм с фотографиями местного ныряльщика, полубомжа по прозвищу Ласточка. Ему и мне посвящался стих, легендарному бомжу города Владивосток, и странствующему реп-бомжу,

и какое это хорошее состояние, и бабье лето на Дальнем Востоке, хотя в других городах уже осень козыряет вовсю. Приехал домой, посмотрел новый выпуск киношного блогера ГринГрасса, поспал, сходил на турнички, взял восстановленного сока и сладких батончиков. Сил еще полно, в таких дозах алкоголь прикидывается твоим другом и подельником, до полного владычества еще было далеко.

Выбрать какую-нибудь книгу и читать ее, а может, врубить стрим. Но пока мир твой, брат. Мир наш, брат, мир мой, брат.

Дорогой двойник и я отложили весла: смотрим на тихую воду в бухте. Нарушение времен есть авторская задумка, редактор, все под контролем. Пока еще. Но завтра дозняк увеличится, и так в день по сантиметру погружаться все дальше, пока не достигну дна или своего предела.

Естественно, во время запоя ни писать, ни даже делать заметки не удавалось. Были постельные приключения, а значит, роман не мог писаться. Было внезапное и кратковременное воссоединение с женой, и показалось, что этот роман будет вообще не нужен. После случился четырехдневный рехаб на феназепаме и капельницах, потом много другой работы, тур и запись альбома. Как только отношения с женой и всеми другими дамами закончились, я остался один черт-те знает где и вернулся к тексту. Сейчас вторая половина декабря, и я считаю, что условие не нарушено. Схема та же — пока есть в жизни текст книги, в ней нет сексуальных отношений. А двухмесячное расставание с книгой, кажется, пошло нам на пользу. Теперь я снова на вахте.

Помню, у Ганди в автобиографии был такой фрагмент. Он сильно заболел, но отказывался лечиться теплым молоком. Тогда мать уговорила его принимать не коровье, а козье, и Ганди пошел на сделку с совестью: формально он не нарушил данного себе слова, но нарушил суть, пошел против духа. Сейчас же то, что мое исследование было прервано, я считаю формальным нарушением, но важным внутри событием — действием согласно духу. Без этого запоя я бы не нашел того, что искал, — своего определения мужской девственности. Но к этому чуть позже.

Несколько дней назад я снял не очень опрятную, но уютную квартиру в Шарм-Эль-Шейхе, и до Нового года обязательно допишу первую редакцию романа (о, сиамский мой близнец, вырасти на мне, отделись и ступай с миром!)

Хоть квартирка моя не роскошная, а сквозь стены ночами слышно вечеринки и звуки страстного секса

интернациональной парочки (славянка и египтянин), но территория, где я проживаю, вполне себе ничего. Они ебутся как заводные, кровать долбится в стену так, что дрожит весь квартал, у меня встает от ее криков, но зато мне не так одиноко внутри бетонного квадрата — квартала двухэтажек. Пробраться на территорию можно только через пост охраны, и тут есть где погулять. Еще у меня есть свой выход на захламленную крышу и вид на песчаные горы.

Здесь целых шесть бассейнов, в каждом из которых можно искупаться. Пока я не видел, правда, чтобы кто-то там плавал и не знаю, как часто меняют воду. Сам тоже еще не заныривал: два раза в день добираюсь до моря и поест на территории отеля, куда изначально купил путевку по системе Все включено. У меня остался браслет, и я могу ходить на шведский стол, где мои соотечественники ругаются из-за тарелок, пока учтивый дедушка выдает хлеб, а злой египтянин-толстяк орет на всех, раскладывая на тарелки салат-бар. Так я восстаю против местных, по мелочи обворовывая их.

Напротив этого ресторана — выход к чистейшему морю. Работают только такие выходы, и то лишь в определенные часы. На ночь море закрыто на замок, вот приколы! Чтобы никто, видимо, не утонул и не был покусан ночными гадами. За нарушение режима, говорят, предусмотрен штраф. Днем играет омерзительная музыка, и — будто ты в стойле — все разделено на зоны и полно внезапных тупиков, за регулярный сценарий не выбраться — как в игре, где создатели сэкономили на локациях. Зимнее аккуратное солнце ласкает тела, пасутся жирные хрюшки, в пластике дешевое пойло из бесплатного бара. Люди без интересов плещутся в лягушатнике, другие рядом валяются на деревянных шезлонгах, пока кожа не приобретает розово-коричневый цвет. Выходов к морю не через территорию

отелей пока я не обнаружил в этом треклятом городишке. Есть, говорят, где-то пляжи для местных, но если ты белокопый — плати. Вообще все пляжи напоминают искусственные террариумы, что поделены между магнатами. Либо плещись вот так и не вякай, либо гуляй по местному Арбату, любуясь продуктами и товарами. Есть еще старый город, там можно походить вдоль мечетей или местного гетто, сфотографировать детей-сорванцов, что запускают прозрачные пакеты из-под продуктов вместо бумажного змея. Пройтись вдоль высокой стены, за поворотом вдали — море, под каменной конструкцией наступить в кучку подсохшего кала и опять уткнуться в герметичные постройки отелей, отелей, отелей. Прыгай в маршрутку, и домой!

Мы с Шарм-эль-Шейхом ровесники, насколько я понял, может быть, и я так же выгляжу со стороны. Закрытый придурок, бесполезный, сухой и колючий, так и не нашедший своего стиля.

Каждый местный норовит заговорить, сплошные приветы, хэллоу, как дела, и у меня ушло шесть дней, чтобы выработать позу, выражение лица и походку, с какими удастся оставаться более-менее незаметным. Я не снимаю капюшона своей толстовки, если нахожусь за пределами территории своего кондоминиума, даже в послеполуденный зной.

Но квартира дает мне силу. Я пишу и пишу, а потом выхожу погладить и сфотографировать котов, которых тут много, посидеть на газоне, затем возвращаюсь к себе. Скачиваю какой-нибудь альбом без вокала — сейчас играет последний релиз Портико Квартет — по самому дорогому в мире мобильному интернету, и пишу это — пусть оно будет адресовано тебе, дорогой Лео. Пора тебе посвятить книгу уже, ведь в какой-то мере ты мой вдохновитель, если я есть Принц Бомжей, то ты уже Вечный Бомж. Да, может, еще потому, что ты прочтешь это первый, и, может быть,

растрогаешься настолько, что в редакторском искусстве достигнешь своего акме. Тогда я обрету в твоём лице ценного редактора (прости за нескромность — как Кирилл Рябов обрел редактора в моем лице).

Последняя приколюшка для Лео!

По дороге от квартиры к отелю есть заведение, где можно выпить кофе за доллар или 15 фунтов. Мне чем-то эта кафешка-вагончик приглянулась, иногда там вижу европейцев. У меня как раз есть пять долларовых бумажек, и думаю, что положу их в напоясную сумку, чтобы каждый день останавливаться, выпивать свой американо и писать один стих. Отчего-то мне кажется, что ты одобришь такое литературное приключение.

Почти весь семестр я прогулял, но на новогодние каникулы перед сессией, обложившись книгами и чужими конспектами, засел у деда с бабушкой. Раз в день звонил Элеоноре, спрашивал, как дела, старался придумать какую-нибудь шутку, а также вкратце пересказать экзаменационный билет. С учебой у нее тоже не ладилось, и я пытался вдохновить ее заниматься параллельно со мной.

Ближе к Рождеству она сама сказала:

- Я хочу приехать к тебе.
- У меня тут дед и бабушка. Приезжай.
- Дед прямо дед? Или дедушка?
- Это у тебя дедушка, а у меня дед. Он ворчит как дед и играет с собой в шахматы. Но не думаю, что он обратит на тебя внимание.

Мы заняли кухню, пили чай, разложив на столе тетрадки. Дед сидел в комнате с телевизором, слегка напрягаясь, как мне кажется, что в его квартире находится посторонний человек. Бабушка, хоть видела и слышала плохо, частенько заходила на кухню, чтобы удовлетворить свое любопытство и убедиться, что у нас все хорошо, что мы не слились воедино прямо на полу под холодильником, и что у нас есть еда на тарелках. Когда бабушка приближалась, мы брали в руки тетрадки, и я говорил что-нибудь:

— Ну, вот Катулл, он называл свою возлюбленную подружку Лесбия. У них отношения примерно как у нас с тобой были. Еще он высмеивал других поэтов. В принципе, я могу тебя тоже так называть, Лесбия.

— А как Гомер называл свою избранницу?

— Тогда еще не изобрели девушек. Но он был слепой и насильничал, и ему было плевать, куда читать гекзаметры.

Бабушка прищуривалась, держась за косяк, оценивала, сколько еще несъеденной еды, изучала нас и спрашивала что-нибудь вроде:

— Она у тебя точно из института? Маленькая такая, корми ее хоть.

— Да-да, она старше меня! Она из института, бабуль!

— Могу паспорт показать, — сказала себе под нос Элеонора, вроде бы и шутя, и не шутя. Может, даже немного обиженно.

— Да я букв не разгляжу, — махнула рукой бабушка. Это она, значит, расслышала. — Пойду лучше к деду. Ничего не едите, что с вами делать?

Пять метров по коридору, они сидят там, как две башни, принимающие наш ток. Но мы рискнули тихонько поцеловаться. Когда Элеоноре приспичило выйти покурить, нам пришлось спускаться по лестнице с пятого этажа. Было темно, холодно, пусто. У подъезда я понял, что она курит сигарету с начинкой.

— Будешь?

— Не, ты чего, не здесь. Дед почует изменения.

— Какие?

— В моем поведении и голосе. Не стоит его нервировать, у него инфаркт был.

— Ну, поехали отсюда.

— Пока останусь. Я готовлюсь, забыла?

Мы прошли вокруг дома, выветрили запах, поднялись, чтобы собрать тетрадки Элеоноры в сумку. Пора было отпустить, но я все держал ее на кухне за руку, и Элеонора не уезжала. Она улыбалась, ловила приход. В новогодние праздники плохо ходит транспорт, и наконец дед спросил прямо из комнаты:

— Она успеет на автобус?

Пока я сочинял ответ, Элеонора сама ответила:

— Меня отец заберет у ДК в 21:30!

Дед крикнул, как гусь. По его мнению, поздно. Но сказал:

— Ладно. Идите в зал.

Мы перешли в гостиную комнату, а дед с бабушкой стали разливать поздний чай. У меня было несколько минут. Сердце затрепыхало, и секунды рассыпались на доли, как будто я тоже дунул. Я щелкнул один из двух выключателей, приглушив свет. Прикрыл дверь, но не совсем плотно, чтобы избежать подозрений, а Элеонора уже оголила все, что нужно. Она встала раком, и зад ее был очень красив. Огоньки гирлянды заиграли на гладкой коже. Я прижался лицом к коже на булках, разогнулся, достал хуй, которого не чувствовал. Понял: ситуация повторяется. Я тут же кончил из вялого шланга в собственную руку. Вытерся о футболку. Я поцеловал Элеонору между ног.

— Что такое? — спросила она.

— Не знаю, что со мной, не могу, — сказал в диван.

Когда мы шли по лестнице, я спросил:

— У тебя вообще есть отец?

— Не знаю даже, — пожала плечами Элеонора. — Не ви-дела его лет 15.

— Как же ты додумалась сказать про него?

Уже когда она села в такси, она вдруг засмеялась:

— Отец заберет! Точно!

Таксист спросил, куда ехать, но Элеонора не услышала. Высунулась через окошко, чтобы я поцеловал ее.

— Извини, — сказал я, размазывая слова по щеке.

— За что? — спросила она. — К часовне, туда, где почта.

— В центр? — спросил таксист.

— В центр, к часовне. Пока.

— Пока, извини. У меня проблемы, как у подростка.

Я остался на площади у ДК в печально известном своей отдаленностью и недружелюбностью Кировском районе. С одной стороны, я и был подростком, но очень не хотел им быть, хотелось стать юношей, парнем, мужичком. Но был ребенком — без подарка под новогодней елкой, которая горела сама по себе, никого не радуя. Нужно было возвращаться к деду с бабушкой, пока они не начали волноваться. Возникло ощущение, что я как-то перед ними провинился, переполошил их зря. Вот приехала моя девушка, но я даже присунуть не смог. Не внук, а позорище.

— Ты же не будешь пока крепкое? — спросила Ангелина, жена Егора.

— Ой, ну не начинай!

— Я буду, не волнуйтесь! — я схватил шот, один, второй, третий. Залил в себя егермейстер и запил сидром.

— Не душните, ребята! У меня праздник! Я заработал на стриме 12 тысяч на прощание с великим городом Владивосток! Угощаю вас! Пейте, не ругайтесь, любите меня и друг друга, это великий вечер, лучший из вечеров!

— Видишь? Провожаем гения, а ты чего? — спросил Егор.

— Видишь, Ангелина, как это делается?

— Ладно, — сказала она. — Веселимся.

Мы были знакомы несколько лет, у них я ночевал, приезжая выступать во Владик, Егор возил меня по окрестностям. Когда летом переехал сюда жить, то в первые дни он дал ключи от своего офиса в портовом районе. Там я поначалу квартировался, пил вино и писал стихи, там я впервые на раскладушке и трахнул Веронику. Они с Ангелиной обрадовались этому факту и сказали, что повесят там мемориальную табличку. Сложно сказать, что тут шутка, а что нет, я надеюсь все-таки, что если они ее повесят, то хотя бы вверх ногами.

— Следующие три шота предлагаю выпить вместе! — заявил я.

Вечеринка быстро набрала обороты. Пятница, и негде было пьяному свалиться, полная посадка. Егор выбрал заведение и забронировал столик, еще не зная, что тут сегодня будет играть кавер-группа Ураган, в которой состоит наш кореш Сева на гитаре и бэк-вокале. Когда Сева пришел и начал настраиваться, для него было сюрпризом, что мы тут поджидаем.

Он глотнул моего сидра и сказал:

— Вот вы устроили, в курсе? Охуеть, — и стал подключать провода.

— Наебенимся, и тебя наебеним, — сказал я и обнял его.

— Понятно, значит, в запой собрался.

Напился я быстро, даже впервые плясал под барный репертуар, стараясь, однако, ограничиваться не самыми

дурными песнями, типа Ред Хот Чили Пепперс. Сева прыгал по сцене и смотрелся лет на десять моложе в таком освещении. Его круглое лицо как будто стало восковым, и пел он замечательно. Также мне очень понравилась официантка, приносящая заказы и запоминающая все без блокнота.

— Ты очень умная, — говорил я. — Ты лучшая официантка, и то, что ты не материшься в этом городе матершинников, дает тебе еще очков.

— Это только на работе!

Стоило ей повернуться ко мне с улыбкой, я осекался. Зачем клеить даже такую хорошую девчонку, ведь я уезжаю? Ничего не имеет смысл. Приморский край уже оставил шрам, и сил не было. Девственность снова проникла в меня вместе с книгой: хоть и был пьян, но смотрел на женщин, как смотрю на них трезвый, через жижу робости. А вечер перетекает в угар, но на меня навалился мрак. Какие-то бабы посылали сигналы, но я замирал в полуметре, пританцовывая, как персонаж Тиссеран из Расширения пространства борьбы. Мне 36, но я снова девственник! Ни одна баба от меня пока не залетела, может, я им и не вставлял? Я вышел на улицу, закурил, и записывающее устройство в голове отключилось.

Проснулся у Егора, и он рассказал, что я просто сидел на крыльце бара, и какая-то местная гопница сторожила меня битый час. Как орлица рядом с охотником, готовая выклевывать глаз жертве или врагу. Егор и Сева сказали ей зачем-то, что я один из лучших поэтов современности, на что гопница ответила:

— Да мне вообще похуй. Вижу, что человек хороший, и ему плохо.

Так я и сидел, как статуя, отпустив мятежный свой дух в черноту, а она, моя спасительница, лица которой никогда не вспомню, моя старшая сестра, сторожила бессмысленное тело.

В аэропорту я выпил водки, а по прилете выпил пива, а потом у Супербориса выпил сидра.

— Ничего, что я пью при тебе?

— Да пей, я только рад. Посмотреть хоть, как бухают люди.

У него с последней нашей встречи случились свои приключения, и теперь он ушел от жены, обновился и жил на другой квартире (тоже в Одинцово), более убитой, зато при молодой любовнице и лысом котике. Мы поболтали, они посмотрели, как я заливаюсь. Я помылся и разминал пальчики ног после перелета — лысый котик лизал мне стопы. Песен записывать сил не было, и я поехал тусить в Москву.

Вечером у меня случился секс с веганкой из инстаграма. Было так: она накормила меня ужином в заведении, где работала — ролл с сейтаном, салат с печеными овощами и сидр Дача. Еще несколько сидров я купил со скидкой. Веганка закончила смену, и я снял ближайший к ее кафе номер в гостинице всего за 2700 (но пришлось искать, где снять наличку) и трахнул ее два раза подряд. Ночью у меня вышел релиз с двумя новыми песнями, тексты к которым я писал на Русском острове.

С утра мы по очереди приняли душ, и я спросил:

— Послушаем, ладно?

— Конечно.

Послушали, она сфотографировала мои татуировки на руке, которой я держу ее за ляжку, и выложила это у себя в сторис. Мы умылись, немного понежились в кровати. Обычно в первой половине дня кончить я не могу, но тут получилось: воздержание дало о себе знать. Работать уже не очень хотелось, но я выпил воды и сделал какие-то мелкие дела в интернете. Нужно было ехать в Петербург на книжную презентацию, но билеты не было сил покупать. Презентация в Москве перенеслась из-за очередного

коронавирусного локдауна. Мы вышли из гостиницы; на улице ждало похмельное слякотное утро. Из почти летнего и уютного Владивостока я переместился в омерзительную Москву, и сердце кольнуло по дальнему городу и океану.

Толстый огромный негр с перекошенной улыбкой, одетый в брюки и белую рубашку, торжественно пил водку марки Талка прямо во дворике. Я чуть не бросился бухать с ним.

— Ого, вот это Москва встречает! — я рассмеялся.

Веганка взяла меня за руку и сказала:

— То, что ты делаешь, очень важно.

— О чем ты? О песнях, что ли?

— И о твоих стихах.

— А, спасибо большое.

Нужно было держаться, не напиваться прямо с утра. Мы вышли к Курскому вокзалу и Атриуму. Ничего особенного, ничего страшного, я еще балансирую, просто пьянка среди сотен таких же, девственности удалось лишиться в очередной разик, и она скоро восстановится. Мы зашли во Вкусвилл взять что-нибудь на завтрак, а потом я поехал к своей помощнице, чтобы подписать и упаковать книги для рассылки дорогим читателям.

Ведь я ничего не написал о твоих волосах. Русых, и волнистых, и густых, и мягких, и упругих. Волосы, которые всегда хорошо выглядели. О твоей коже, и слегка недоразвитом теле, но притом и очень женственном. О твоём голосе, в котором будто всегда было немного обиды, неуверенности

в себе, легкой подростковой гнусавости. Эта идиотская маркировка, что ты говоришь о себе в мужском лице. Не так часто это происходило, но хотелось хватиться за что-то.

Это ведь все не то.

Ты ускользаешь.

Сегодня я проснулся в пять утра и пытался поговорить с тобой:

— Помнишь, что я посылал тебе все рассказы, в которых упоминал тебя?

— Конечно, помню. Один раз назвал меня Элиной, а другой раз вообще Мариной. А еще был раз, когда вывел меня как Илону. Все помню. Мерзко, Евгений!

— А зачем тогда ты говорила, что все это гениально?

— Что мне еще было говорить? Так и есть. Сами рассказы гениальные. Мерзко было давать мне эти имена.

— Вероника тоже мне говорила, что все гениально и что все очень круто. Все хвалила, но ушла.

— Я тебя люблю. Но с тобой устаешь. Ты не умеешь радоваться, не умеешь веселиться, не умеешь наслаждаться от жизни вне работы. Но то, что ты пишешь, очень хорошо, и это действительно важно, и я знаю, что ты этому будешь верен.

— Почему так бывает? Почему любишь, но ушла?

— Почему так бывает, скажи ты. Ты же любишь и уходишь?

— Я уже не знаю, где тут чья реплика.

— Потому что ты сам с собой разговариваешь.

— А как мне поговорить с тобой?

— Только так и говори. Говори с собой, все, что ты помнишь, ты помнишь лучше других.

— Ты это слышишь?

— Что это?

В темноте казалось, что жужжит какая-то гигантская муха. Но мухи в темноте спят. Тембр у этой мухи был слишком гулкий и приятный, туда подмешали партию бас-гитары.

— Что это?

Я встал. Жужжание как будто заполнило помещение, но звучало с улицы. Я открыл балкон. Жужжание понемногу превратилось в пение. Гудение пропало, остался чистый вокал. Так рано я еще не просыпался, поэтому впервые услышал так ясно: песнь. Может быть, я просто был слишком погружен в себя или только сейчас акклиматизировался. Пять утра. Интересно, кто записывает вокальные партии для мечетей? Невозможно, чтобы богатый человек так пел. Слушая это, сразу вспоминаешь, что большая часть мира живет в нищете. Слышит ли Аллах молитвы богатых? Если певец был богат, то он явно этого не ощущал, деньги для него не имели никакого значения. Я вышел из квартиры и поднялся на крышу, подсвечивая телефоном, чтобы не споткнуться обо что-нибудь. Ветер продул меня сразу, я был в футболке.

Вспомнил этюд, как полицейский в форме расстелил коврик и совершал намаз в сумерках.

Еще не рассвет, но край неба уже проясняется, хоть розовым еще его не тронуло. Но едва ощутимо прикосновение надежды, разрушающую тьму с краю. Это даже не крыша, а разрушенный жилой этаж, вот стоит дверь в никуда, вот валяются остатки стен. Вот торчит разбитый унитаз, нерабочие кондиционеры. Вокруг меня никого нет, никого, с кем можно поговорить, и деньги на счете закончились, к интернету подключусь, когда допишу книгу.

Полжизни отлетает.

Отлетело, и лето 2003 хорошенько проступило передо мной. Начало юности, когда я научился присовывать, но еще далеко было до того, чтобы самому зарабатывать и себя

содержать. Несколько дней мы с Костей тусили у Элеоноры, еще с нами был некто Монро, модненький парень с юридического факультета, славный тем, что как-то трахнул себя в зад зубной щеткой. Один из первых наших поклонников. Мы включали минусовки на музыкальном центре и зачитывали наш первый рэп (или это уже был реп?)

*звездное небо содрогается от трений
в мире половых и моральных извращений
это наверное полный хаос без малого
этот мир эксгибиция какого-то богодьявола*

Так рождалась группа макулатура, главный институт моей жизни. В тот раз мы раз сто зачитали эту песню и еще пару других. Странно, что тогда, даже если я писал партии для обоих, мы все равно быстро все заучивали наизусть. Сейчас я даже не пытаюсь выучить новые тексты, память засорена старыми треками, воспоминаниями, чужими романами, фильмами, биографиями, образами городов, бабами, фразами друзей, тем, что еще надо прочесть. Мы варили манагу у Элеоноры на кухне, а потом я чувствовал себя марионеткой, как будто кто-то сверху дергает за ниточки, а я просто шевелюсь. Когда все спали, я был куклой, что пляшет на кухне. Шевелился, подчиняясь пальцам кукловода.

Элеонора и Костя собирались ехать в Москву, к ее маме в гости.

— Ты тоже можешь поехать, — сказала Элеонора.

— Не могу. У меня нет на это денег.

— Костя беднее тебя. Но он же едет.

— Он один в семье, а нас пять.

— И что?

— Я не могу поехать за папин счет. Даже спросить не могу. Мне и так придется просить на новую одежду к учебному году.

— Да походи в старой. Какая разница?

— Я так не могу.

— Да можешь ты все.

— У нас так не принято.

Они съездили в Москву, вступили в НБП, а я в августе работал агитатором на партию Союз Правых Сил. Кажется, так она называлась. Я записал московский номер Элеоноры на обоях, но не смог разобрать собственный почерк и ни разу до нее не дозвонился. Счет на оплату все равно потом пришел отцу внушительный, хотя я слышал лишь короткие гудки и щелчки ошибки соединения. Не понимаю, как это вышло.

Вернувшись, Элеонора только раз переспала со мной, а потом избегала встреч.

Съемки откладывались, и я организовал себе чтения стихов в одном небольшом московском баре, чтобы август не прошел вхолостую. Продал книг, заработал денег, закинул их в издательство, чтобы напечатать еще книг. Жизнь в трезвости однотонная: перекладываешь какие-то симулякры из одной кучки в другую. Был готов лететь куда угодно, сниматься, достиг спокойного послушания. Стал персонажем, болванкой, дрессированным зверьком. Но Максим жаловался, что продюсер не выходит на связь.

— Я тебе честно все говорю, как только информация поступает ко мне. Я в ответе за фильм, за тебя и Леву. Вы будете сниматься в кино. Я ничего не утаиваю.

Когда продюсер вышел на связь, то сказал, что денег сейчас нет. Бронь в Якутию слетела. Еще продюсеру

не понравилась моя морда по пробам, и мы их пересняли. Мне начало казаться, что я просто во сне Максима о ху-дожественном фильме, который никогда не запустится.

Каждый день мы чего-то ждали, мусолили историю, обсуждали персонажей — строили воздушные замки. Я гулял по центру Москвы, читал, писал стихи, боролся с похотью и, наконец, вечером застал Максима пьяным в хлам. Он общался по телефону с оператором и кричал:

— Почему ты такой мудака, э? Почему? Я всегда тебя, пидораса, поддерживал. Но ты выблядок ебучий, я же тебя люблю.

— Ого, чего это за страстная ссора? — спросил я у жены Максима.

— Да вообще, сама не знаю. Давай кино посмотрим.

Мы сели в кабинете и стали выбирать фильм на большом мониторе.

— Давай вот этот, с Джеком Блэком, — сказал я.

— Давай.

Кино шло фоном, а мы сидели и слушали. Максим открыл еще бутылку пива и кричал:

— Вот так ты со мной, да? Когда мне нужна поддержка, то выберешь бабу, деньги, положить на друга, да? Какого хуя, иди ты на хуй, да? Иди ты на хуй, пойми меня, на хуй отправься, друг, и все.

Его жена сидела на ковре, вытянув ноги, и когда Максим закончил разговор, то подошел к ней и упал рядом, распластался как песик. Жена гладила его волосы, а он что-то бормотал, слегка посмеиваясь.

— Максим. Вы о фильме общались? — аккуратно спросил я.

— Да нет. Все дело в бабах его, — он зарывался в колени жене, отвечал вяло. — Не обращай внимания. Все это ерунда. Мы снимем фильм. Мы снимем фильм, снимем.

Он приподнялся и посмотрел на меня одним глазом, чтобы, видимо, не двоилось изображение. Иногда я тоже

так делаю. Максим обратно уткнулся между ног жене. На следующий день я попросил продюсершу купить мне билет во Владивосток, домой, на любой ближайший рейс. Дешевых прямых не было, и мне взяли билет с пересадкой на Сахалине. Я лишь час пробыл там, разглядывая этот отдельный мир через окно терминала, и решил, что нужно туда попасть. Потом я долго ждал Веронику в аэропорту. Она попала в пробку, а когда приехала и вышла из своего Приуса, сделала вид, что не видит меня. Скорчила мультяшное серьезное лицо и смотрела по сторонам. Я подошел и встал рядом. Ей надоел собственный этюд, и она сказала:

— Извини, извини, извини, что опоздала, не пизди меня!

— Соси тогда.

— После перелета прямо? У тебя там грибок завелся.

Мы обнялись.

— Не бойся, я помыл, пока тебя ждал. Искупал в раковине туалета.

— Ой, все будет, отъедем только. Ты такой милый, такой чистоплотный.

— Такой старый.

— Да, такой старик.

Мы поехали в поселок Рыбачий. Перед тем, как нырять со скал, расстелили полотенце и поеблись прямо на утесе. Но Москва как будто все еще была внутри, отпечаток города, который так бессмысленно жевал меня эти две недели, надолго втискивается, перекашивая все тело. Я кончил на каменную плиту, и мы нырнули. Задержал дыхание, отплыл от берега под водой, вот оно — мое место, рай, утроба. Зачем я ездил — непонятно, мог бы каждый день нырять в океан. Когда мы ехали обратно в город, я ненадолго задремал в машине, а проснулся, когда Вероника говорила по телефону.

— Да, мам. Да, я еду по работе, а да, одна, — так она сказала.

Когда она повесила трубку, я сказал, что мне противно такое, и это похоже на оскорбительную для меня ситуацию.

— Ты не понравился бы моей маме, — отрезала она. — Ей никто не нравится из моих мужиков.

— Да я не должен ей нравиться. Это во-первых. А во-вторых, если хочешь меня с ними сравнивать со своими мужиками, то лучше об руль уебись.

— Это почему?

— Хочешь, чтобы я о тебе так говорил? Как об одной из баб? Одна из сотни баб — Вероника.

— Ну ты-то не из сотни.

— Да будет и сотня через несколько лет.

Потом ей надо было встретиться с братом, что-то обсудить по ремонту машины.

Я спросил:

— И что мне делать? Прятаться, делать вид, что я его не вижу, что?

Но она, к моему удивлению, сказала:

— Да не знаю, пожми ему руку, что там вы делаете, мужики, в таких случаях.

Когда она подъехала на станцию техобслуживания, я вышел, пожал руку ее брату и отошел в сторонку. Мы переночевали вместе, а на следующий день мне нужно было смотреть дом-гараж. Егор повез показать мне место, что осталось от капитана, умершего деда Ангелины — мужа ее матери, то есть тещи для Егора. Была идея, что я смогу там наводить порядок, делать мелкий ремонт, и за это жить там до прихода холодов.

Место было замечательное: гараж, над которым надстроили две комнаты. Одну, а сверху еще одну. Мы проверили свет — света не было. Мы проверили воду — как только ее включили, из трубы хлынуло по стенам и с потолка, на запчасти от лодок, цепи, канистры, старый инструмент. В остальном место было идеально для жизни

творческого человека — захламленное жилище, слегка пахнущее плесенью, куча мусора, который можно убирать по полдня в течение месяца; выход на крышу с видом на море — и вид на море из окна. Егор звонил теще, пытался что-то выяснить. Но было непонятно, что делать, чтобы электричество вернулось, и что делать, чтобы трубы отремонтировались. В общем, идея осталась только идеей, мечта разрушилась.

Я набрал Веронику, сказал, что свободен.

— Похоже, переехать не получится. Ты что там?

— Скоро закончу работу и приеду к тебе.

Спустя какое-то время она прислала голосовуху, что якобы устала от мужиков и хочет побыть одна. Я ответил: Ждала, ждала, слала сердечки, а вышло не то пальто? Так вышло, да, ответила она.

Я попросил Севу забрать меня на Русский остров. Ночевал в спальном мешке у него прямо на студии. Потом мы поехали в город Находка, где он выступал с кавер-группой. Я сделал несколько красивых снимков моря, а потом наблюдал через окна небольшого бара, как Сева и его команда поют песни Кая Метова

*позишн набр уан
ты говоришь не дам
позишн набр ту
я все равно возьму*

перед несколькими жирными мужиками и их ухоженными бабами. Я написал в сторис инстаграма, что мне нужны нюдсы. Не знаю, может быть, чтобы позлить Веронику. Но в ответ упало несколько фотографий. Я отошел подальше от берега и подрочил в беседке, слушая шум моря и любуясь сиськами юной красотки. Это сработало, каким-то образом я призвал ее обратно.

Вероника спросила, во сколько я вернусь, и сказала, что сегодня приедет ко мне поговорить. Но через несколько дней мы все равно расстались, я даже не понял, как. Было сомнительное чувство, что если я еще раз придумаю способ, она вернется, но сил уже не было на это. Ладно, пока.

VI

В Петербурге на Моховой есть небольшой бар Буковски. Стены исписаны цитатами великого классика и изрисованы картинками в стиле его авторских иллюстраций: пьяная драка, женщины, стаканы пива. Иногда я там делаю книжные презентации, раз делал даже галерею одному художнику. Параллельно работая за баром, подписываю экземпляры; люди переводят мне деньги за книги, я угощаю пивом, продаю пиво. Да и сам напиваюсь. Полагается даже небольшая получка за смену, но ее, по моим ощущениям, сразу же необходимо пропивать. На этот раз презентовал сборник рассказов, написанных за всю жизнь. Первый из текстов, Я никогда не блюю в тазики, написал еще девственником, он и дал название книге. Лучше места, чем данный бар, для такой презентации не сыскать. Знакомые и друзья приходили и уходили, меня несколько раз накурили, я пьянел и трезвел, выпивал стакан воды и продолжал разливать. Все еще держался на ногах, пытаюсь сосчитать, сколько бывших любовниц пройдет мимо за этот вечер. Со мной была Веганка из Москвы: так совпало, что ей нужно было смотаться в Петербург на встречу с родителями, и мы, не успев купить билет на поезд, мучительно добирались на блаблакаре. Она приглядывала за мной и в отвращении морщилась, когда я, пьяный и накуренный, сосался с очередной девчонкой. Зашла меня поздравить и бывшая жена — злополучная Д. Обняла и поцеловала, выпила кружку пива, сожалея, что я развязался.

— Но так и ты тоже, посмотри, ты тоже пьешь!

— Это все твой дурной пример, — засмеялась она.

Уже ближе к закрытию я оставил все на главного бармена, обнялся с ним, со всеми, кто пришел повидаться и решил, что пора спать.

— Я хочу с тобой, я хочу с тобой, — кричала обнюханная красотка и бежала за такси, когда мы с Веганкой уже сели в тачку.

— Остановите, пожалуйста, — сказал я водителю.

Я повернулся к Веганке, поцеловал ее руку и спросил:

— Можно я возьму ее с нами?

Веганка сказала:

— Ладно, бери.

Но потом, когда я уже открыл дверь, и обнюханная красотка почти села в карету, веганка передумала:

— Нет. Не надо, это слишком будет.

— Прости, — я захлопнул дверь перед красоткиным носом, и она, накрашенная и заплаканная, такая заманчивая, осталась стоять на улице.

— Мне просто очень хотелось ей присунуть, — сказал я, показывая кистями, что безоружен.

— Я знаю, — ответила Веганка. — Но без меня, как-нибудь потом.

Мы ночевали на Рубинштейна, недалеко от заведения Фалафель кинг, где есть великий салат с авокадо. Подруга и благотельница Камилла дала мне ключи от своей студии, собираясь ночевать у хахалю. Но когда мы зашли, часа в два ночи, Камилла пьяная прыгала по кровати в куртке, а ее хахаль стоял в центре комнаты, недоумевая.

— Это Женья! Это Женья! Мой любимый! А это мой ухажер! Я его не так люблю, как Женечку! — кричала Камилла.

Я пожал руку хахалю, стянул Камиллу с кровати и улегся. Веганка забралась ко мне. Камилла что-то кричала, прихлебывая пиво, носилась по тесному помещению, обнималась с хахалем и сразу его отталкивала. Он недоуменно посмеивался, молодой совсем парень. Камилла

заорала в свой телефон:

— Алиса! Алиса! Нам срочно нужно послушать группу макулатура.

Я заткнул уши, чтобы не слышать собственный голос. Но он прорывался сквозь пальцы, и так меня придавило тяжелым сном и собственным речитативом. Когда проснулся, было тихо, и я сразу же допил пиво из первой попавшейся бутылки. Мой телефон звонил. Звонила Д.

— Да?

Она была очень пьяна:

— Я сейчас к тебе приеду. За мной какой-то мужик увязался, он мне не нравится, и я хочу к тебе.

Я огляделся. На кровати спала Веганка, Камилла расстелила себе спальник на полу, укуталась в него, обнимая какие-то шмотки, спала, улыбаясь во сне. Хахаля, слава богу, не было.

— Я тут у своих шлюх, — сказал я. — Благодетельниц моих то есть.

— Приеду к тебе, слышишь? Где ты? Или ты приезжай ко мне.

Я вышел опохмелиться. Недостатка баров тут не было. Зашел в один, выпил шот, в другой бар, выпил шот. Уже получше, и встретил Д. Она сидела на полу и в тысячный раз расспрашивала, почему почему почему я изменил ей через неделю или две после свадьбы. Потом говорила, что она была глупой и молодой, иначе бы она не забрала мои деньги, не продала мой телефон, не бросила бы меня в психушке в момент, когда мне нужна была ее поддержка. Веганка явно не хотела присутствовать при такой сцене — она вызвала такси и куда-то уехала. Камилла не просыпалась. Д. легла на постель и начала раздеваться.

Наконец, оставшись совсем голой, спросила:

— Ты будешь меня трахать?

Мне было ее жаль и жаль себя. Голос ее звучал странно, какая-то глупость, пошлость тут была, и трезвый я бы

не позарился на такое. Но я не был трезвый, поэтому залез под одеяло и поцеловал ее. Внешне они похожи: Элеонора и Д. Сколько бы лет ни прошло, я всегда помню запах.

— Красотка моя.

Кожа, тело подростка и ленивый ум притягивают меня, как пропасть. У меня нет возможности выбора. Д. передо мной. Из-за этого К. меня и возненавидела, я мог бы изменить ей с кем угодно, но зачем-то подвернулась моя бывшая жена, настолько глупая, что, не осознающая своей меркантильности, готовая использовать меня, пока я не сдохну, при первом зеве скуки ставить мою жизнь с ног на голову.

Несколько дней я провел у Д., но продолжал пить. Остановиться не мог, притом очень надеялся, что она забеременеет, в моей тупорылой голове опять появилась мечта о пиздюке, которому необходим будет раб-взрослый.

— Она не останется, — сказал отец.

— Почему?

— Ты еще слишком юный.

— Для чего?

Мне хотелось, чтобы он произнес это вслух. Чтобы не осталось фарса, недоговорок. Мы стояли в коридоре, и повисла нелепая пауза.

— Для чего? Это моя комната, вам никто не мешает.

— Я дам полтинник, и ты проводишь ее на такси.

Вот так он стоял в коридоре в своих растянутых трусах, пока Элеонора ждала в сенях и мерзла там. Отец начал рыться в своей куртке, доставать кошелек. Это было

нелепо, потому что я все еще был одет, а он вот в одних лишь трусищах, усатый и очкастый.

— Почему я юный? Для чего я юный?

— Тебе нет 18.

— То есть только в 18 у меня смогут ночевать гости?

Его рука с полтинником висела между нами.

— Засунь его себе в жопу, пожалуйста. Помассируй простату, очень полезно в твоём возрасте.

Отец, казалось, удивился. Я несколько секунд смотрел на полтинник, потом одумался, хлопнул дверью и вышел.

— Прости, — сказал я Элеоноре, открывая дверь во двор.

— Что случилось?

Мы обнялись, я случайно всхлипнул и сказал первое, что мне пришло в голову:

— Я его ударил. Домой идти нельзя.

Мы прошли до остановки совхоз Суховский, минут десять, и как раз успели на предпоследний автобус.

— Ну и куда мы теперь?

— К твоему другу нельзя?

Элеонора пыталась набрать своего друга по мобильнику, но тот не отвечал. Когда мы проезжали мимо его дома, я увидел, что окна у него на первом этаже горят. Я сказал:

— Вроде он дома.

— Может, с девушкой.

Мы пересели на другой автобус и добрались до центра. Элеонора купила сигарет и маленькую бутылку коньяка. Мы ходили и просто проверяли один подъезд за другим, пока наконец не удалось по стертым клавишам определить комбинацию цифр кодового замка. Нам повезло: между этажами были удобные подоконники, и обогревался подъезд хорошо. В это время обычно уже никто не выходил из своих квартир зимой. Мы нашли банку для бычков и курили по одной сигарете на двоих и редко делали глоток, чтобы растянуть бутылочку на всю ночь. Коньяк пробирал

до кишок. Так согрелись, что даже сняли куртки, и было очень хорошо. Мы обменивались редкими вопросами-ответами. Почему филфак? Что было в школе? Когда первый раз выпил? Когда первый раз покурила? Я вдруг перестал волноваться, и целовал ее нормально, и у меня была эрекция, которую она почувствовала сквозь слои одежды. Я засунул руку ей между ног, и Элеонора сказала: — Не надо.

А потом сама пошла в атаку. Никогда мне не было так удобно, приятно, нежно — целовать чужие губы. Должно сойтись что-то; если детали конструктора не подходят друг к другу, поцелуй не выйдет. Элеонора встала к стенке, оперевшись руками, я был очень возбужден и старался сосредоточиться на темноте за окном. Тыкался, но у меня не получалось попасть, тогда она помогла мне, направив рукой. Я прочувствовал этот момент, и каждое движение ожило в вечности. Сразу закружилась голова, а нервные окончания не были готовы к такому кайфу. Сделав две медленных-медленных фрикции, я сказал:

— Ой.

Вытащил резко, и в каком-то блаженном страхе брызнул на стену.

— Ого, как быстро, — сказала она, но без недовольства, только с любопытством, даже с гордостью первооткрывателя.

— Ты просто слишком хороша, извини.

Мы попробовали еще раз, не удалось. Уже не вставал достаточно. Мы поправили одежду, и Элеонора сидела у меня на коленях, курила, пока не настало утро. Даже и слов было не нужно. Я проводил ее до падика и поехал домой. Пробрался к себе в комнату, пока все еще спали. Не понимаю, как нам удавалось помириться с отцом, но факт, что всегда удавалось, и это не было унижительным. Зато когда через несколько лет у меня случился бактериальный простатит, он не раз шутил так:

— Есть же способ. Ты мне сам говорил. Сверни полтинник в трубочку и засунь себе в задницу.

— Очень смешно, — отвечал я каждый раз. — Ты гений.

— Яблоко от яблони.

Летом, перед тем как мне исполнилось семь, отец забрал меня на целый месяц. Немного я пожил в Кемерове, потом в городе Белово, у родственников мачехи, потом у деда с бабушкой на даче. У брата мачехи было два сына: Рома и Саша, одному 10, другому 12. Они произвели на меня сильное впечатление: будущие настоящие мужики, такими они мне казались. У них стены были завешаны плакатами из фильмов с Брюсом Ли, Джеки Чаном, Чаком Норрисом. Они находили куски металла и вытачивали на станках из них лезвия, потом отливали рукоятки из пластмассы и изготавливали мечи, которые выглядели совсем как настоящие. Саша мешал себе коктейль из пива и яйца и качал мышцы. У них была воздушка, из которой они стреляли воробьев. Я тоже целился, но ни разу не смог нажать на курок, когда птичка была на прицеле. А еще они водили мопеды! Такая деревенская жизнь мне и не снилась. Их родители занимались продажей ковров, и у них был двухэтажный дом, наверное, достаточно скромный по нынешним сытым меркам, но тогда для меня это был дворец.

Там было все: музыкальный центр и видеомангитонфон, три телевизора. У Саши и Ромы были свои комнаты. Почему-то меня определили к старшему, Саше, и он взял надо мной некоторое покровительство, казался самым

добрым. Однако в сводном брате при близости этих ребят, его кузенов, случалась перемена. Он называл меня мелюзгой и старался отвесить мне пендель.

Один раз мы остались вдвоем: со сводным братом и Ромой, и они раздражили меня, а потом выгнали за порог дома. Собака лаяла, а я громко ныл, барабанил в дверь.

— Заткнись! — кричал сводный брат. — Ты должен успокоиться! Помолчи, подумай, тогда мы тебя пустим.

— Давай, чтобы слезы высохли, — добавил Рома. Я видел их через маленькие стеклянные окошки вокруг двери, парни не знали жалости.

Мне казалось, что призраки ожили и тянут ко мне руки, нервы мои совсем разгулялись. Я кричал и бился башкой в дверь, пока не свалился на крыльце. Тогда они меня впустили, слегка перепугавшись. Соседи пожаловались на крики, и вечером, вернувшись с работы, тетя Вера, мать Ромы и Саша, сказала:

— Если я узнаю, что вы его мучите, я вам всем нахрен жопу распинаю, понятно? А ты, малой, держи себя в руках, не вопи.

Тогда я уже начинал думать о девчонках, но вслух никогда об этом не говорил. Даже сводный брат как-то этой темы сторонился. Но Рома и Саша были раскрепощены в этом вопросе. Мы валялись с Сашей ночью на кровати, у обоих стояли, мы смотрели в потолок, и он говорил со мной на равных.

— Поскорее бы мне лет 16. Начну трахаться. Приведу сюда тёхану, и буду с ней напротив этого зеркала.

— А я хочу начать в 12, — робко сказал я. Может быть, это был единственный нормальный разговор на данную тему лет на семь вперед. Потом, даже когда все одноклассники рассказывали о своих сексуальных наваждениях, то я всегда делал вид, что мне это неинтересно, вплоть лет до 14–15.

— Смотри, мне уже 12, это сложно. Если ей лет 16, и она уже трахается, то даже не посмотрит на тебя, — сказал Саша.

Помню, я приложил пальцы к его хую, как измеритель, и сравнил размер со своей пипиркой.

— Раза в полтора больше!

— Ничего, отрастет, — усмехнулся он.

— Мне бы хотя бы заглянуть в пушок, — протянул я, зевая.

— Видишь зеркало, да? — спросил Саша, сменив тему. — В нем отражается свет. Чтобы было не так жутко спать, я хочу повесить несколько зеркал в комнате, и тогда будет ощущение летней ночи.

— А летучие мыши не будут залетать?

— Даже если и будут. Шашлык из них сделаем, — он по-братски меня толкнул, положил голову на подушку и накрылся простыней.

Я отвернулся, начал погружаться в свои сны. Интересно, правда здесь, прямо у нас в Кузбассе, водятся летучие мыши? Они говорили, что да, водятся.

Хороший же он был пацан, самый старший из братьев, моих сводных родственников.

А потом мы впятером, все пацаны и еще сводная сестра, оказались на даче у моих деда и бабушки. Помню, дача у деда тогда была совсем новенькая, и пахла как новый дом, особенно второй этаж — деревянный. Также в лесу, недалеко от дома, возник шалаш, совсем настоящий, как маленький домик. Я, бывало, в нем сидел со сводной сестрой, поджигая кусочки бумаги и хвои, чтобы комары не закусали, пока старшие пацаны закрывались в комнате,

которую дед сделал для моего отца — лучшей комнате, с большим окном.

У деда было три ребенка, и у каждой из комнат была своя фишка: для отца просторная комната, большое окно и хороший вид на деревню. Для младшей дочери дед сделал комнату посрединке, уютную и маленькую, зато с балконом, как будто специально, чтобы дать тете Лене тайную возможность покуривать. Для дяди Олега — комната с камином. Мне нравились все комнаты, и с годами я буду ночевать по очереди в разных. Будучи ребенком, я часто мечтал, что приеду на дачу со своей женой и там проведу несколько дней. С первой женой мы действительно так и сделали, когда я привозил знакомить ее с родней.

Но тогда я еще не догадывался об этих мечтах. Я нашел способ пробраться в пустое пространство, между домом, острой крышей и чердаком, и оттуда, из этого уголка, подглядел, чем занимаются старшие пацаны. Все так и было, как я ожидал, как будто природа специально сделала глазок для меня. Там было отверстие от сучка. Заглянув в него, я увидел, что они, голые, со стоячими членами сидят на диване и непринужденно болтают. Ничего гомосексуального в этом не было, скорее они выглядели как юные боги или философы древности. Я не удержался и позвал сводную сестру. Мы пробрались теперь вдвоем. Она тоже заглянула в глазок и издала такой звук, что я был уверен: нас спялят. Мы, закрыв рты, выждали пять минут и убрались отсюда.

— Ничего себе! — сказала она про своего родного брата, то есть моего сводного, — какая огромная писька!

Как-то раз меня тоже позвали. Я думал, что меня раскусили и приготовился получить по шее. Саша завел меня и прыснул со смеху.

— Покажи ему, — сказал он моему сводному брату.

Тот встал на четвереньки, зажал яйца так, чтобы они смешно свисали, начал ходить и мычать. Я глазам своим

не верил: эти взрослые пацаны просто придуривались тут. Сочиняли такие безделушки!

— Му-му, — сказал сводный брат. — Это бычок.

Они все покатались со смеху. Я тоже смеялся, но от облегчения. Меня взяли в компанию. А потом, когда мы пошли в баню, я, выбегая под душ голым, спалился. Сводная сестра увидела меня, когда шла в уличный туалет. Я не ожидал этого и, расстроившись, заплакал.

— Ты чего? — сказал Саша. — Надо было просто потрясти им, ну?

Несколько дней спустя мы играли в дурака, все дети. И сводный брат спросил:

— Ты видела Женин писюн?

— А что? Да, видела.

Я покраснел и закрыл лицо руками. Пацаны ржали, но не отвлекались от игры. Пришла моя очередь ходить, но я не мог собраться и выбрать карту.

— Чего такого, он же маленький! — добавила сводная сестра.

— Сама ты маленькая! — вдруг психанул я.

— Женек маленький или его писюн? — и опять все засмеялись. Я бросил карты и вышел из комнаты. Сбежал по лестнице, прошелся между грядок, дошел до деда, который что-то поливал из шланга. Через три года родился Ваня, и я больше не был младшеньким, в этом факте заключалось некоторое облегчение.

Переехав в поселок Подножье, несколько дней маялся. Вот оно: море было рядом, и я ходил плавать каждый день.

Но чувство одиночества иногда принимало скверный характер: просыпался ночью, физически чувствуя необходимость прикосновений. К. продолжала мне сниться, и мысли о ней и Веронике не давали покоя. Открылся двум бабам за год, неслыханно; потерял обеих, оставив по куску себя в клюве у каждой. Понятно, что К. была гораздо важнее, волшебная, вдохновляющая, разрушающая, к тому же гений. Все то, что было ее нежностью и любовью, обернулось жесткостью. Но с Вероникой я бы мог заземлиться, почему же она сочла меня старым занудой? Ебаная дура! Посмотри на себя! Ты живешь как в 90-е годы! Диплом какой-то ссанный получаешь, чтобы мать ублажить. Мечтаешь о музыкальных альбомах вместо того, чтобы писать их. Не можешь даже прокормить себя, все у тебя вращается вокруг какой-то животной ерунды, встать вовремя не можешь, говоришь одно — делаешь другое. На Приусе этом своим гоняешь, который даже не сама купила, врешь в 25 лет, как школьница. Да блять, я моложе тебя, а не старше, что бы ты там себе ни придумала, ты уже в 40 будешь бабкой при таких раскладах, ты не понимаешь, что старение происходит в душе, а потом в теле: от лени и тупости. У меня, в отличие от тебя, дура ты молокоядная, запоров не бывает.

Наконец я съездил в строительный магазин и купил краску, валик, шпатель и взялся за дело. Старые обои отходили очень нелегко, я сбрызгивал их водой и орудовал. Мне очень понравилось занятие, и я скачал огромную подборку электронной музыки, и пока плейлист играл часов, кажется, 13, я почти не останавливался, только чтобы размять конечности. Потом поспал несколько часов, убрался, сдвинул все вещи в центр. Можно было красить.

К вечеру моя комната выглядела замечательно. Цвет, как будто смотришь в глубины лагуны. Такая радость охватила меня, и я сказал: мой дом, мои вещи, мои фотики, здесь буду радоваться жизни и попробую прожить на месте

как можно дольше, и может быть даже останусь на зиму на этом острове. Тараканов уже почти вывел, бойлер, бьющий током, мы заменим. Все будет хорошо. Дом сказал: хорошо, брат. Живи, твори, пиши, делай снимки, проводи стримы, сколько пожелаешь.

Тут-то и позвонила Вероника.

— Ты че делаешь?

— Крашу стену. У меня теперь очень красиво.

— Жень, я хочу сказать, — она то ли была заплаканная, то ли пьяная, то ли сдерживала смех.

— Говори.

— Я очень соскучилась. Можно приехать к тебе?

— Конечно. Приезжай, покажу тебе стену. Стена просто супер.

— Стену покажешь? — она как будто разочаровалась.

Я пожал плечами, хотя понятно, что Вероника не могла этого увидеть:

— Ну, могу и хуй показать, если хочешь.

— Хочу. Я буду к тебе приставать, — ответила она.

Ладно. Я собрал мусор, подумал, что делать, пока буду ждать ее? Хочу ли я ее видеть? Вроде бы все уже прошло, но нет. Я сходил в магазин, купил овощи для салата, банку пива для Вероники. Страсть зашевелилась от ее импульса, все-таки мне не хватало доброй старой бабы. Я приготовил салат, сварил чечевицу, но время все шло, а ее не было. Я занимался своими делами, посидел за ноутбуком, ладно, я не спешу. Через два часа она написала, что уже не придет. В ответ я записал злое голосовое сообщение: слово нужно держать, иначе сдохнешь в говне. Раз сказала — приезжай, не прокатит.

— Я же выпила, — ответила она. — А такси до тебя будет косярь стоять. У меня всего два косяря.

Мне стало очень нехорошо, я скинул ужин в унитаз и послал ее. Сходил на турнички, подтянулся пятнашку

и чуть не обосрался. Вечером для меня это слишком много. Все равно не помогло. Поэтому я опять пошел в магазин. Там были сыроедческие батончики, неизвестно как попавшие в этот деревенский магазин. Нужно было унять сердце. Батончики стоили дешево, их никто не покупал, кроме меня, и я каждое утро брал один. Но теперь взял все оставшиеся, штук десять. У меня была почти новая толстовка Кархартт, черная, добротная, но я не носил ее с февраля. Единственный раз надевал ее, когда случился мрачный запой, после которого я провел полтора месяца в рехабе под Петербургом. Не хотелось мне, в общем, носить эту толстовку, и вот придумал, что с ней делать. Написал на ней краской, которой красил стену, английскую транскрипцию глагола сосать. Провел стрим, где этот самопальный мерч был моим подарком топовому донатору. Им оказался какой-то маленький буржуйчик, подросток из Подмосковья.

На следующий день сходил на почту, отправил пару книг и, собственно, этот мерч. Вернулся домой, написал Веронике просьбу поскорее вернуть мне мои вещи. Помимо прочего, у нее была моя другая толстовка, последняя оставшаяся с капюшоном, которую мне подарил друг, известный рэпер и будущий мэр Санкт-Петербурга. Почти все вещи я теряю при переездах, но эту, именную кенгуруху лейбла Антихайп, очень полюбил. Носил часто, и не потерял более чем за год. Но на всякий случай предупредил Веронику, что за вчерашнее я могу ей слегка уебать, хотя никогда еще не бил женщину.

— Для тебя, дорогая Вэ-ро-ни-чка, я сделаю исключение, — добавил голосовое сообщение, сделав побольше актерских пауз, чтобы звучало более грозно.

В ответ пришло следующее:

— Да, я знаю, что другие бабы еще хуже с тобой поступали! И они были меркантильнее меня, и деньги тоже у тебя брали!

— Что за хуйня! — заорал я в ответ. — Причем тут другие, за себя отвечай! Причем тут деньги, сука ты тупая, это ж я, твой друг, ебать, хоть и бывший, и где твое сочувствие, сопереживание?!

— А ты, а ты, помнишь? Ты вообще мне сказал, что хуй хочешь показать. Как будто это нормально!

Как же она все выворачивает, настоящая лживая змея. А потом еще отдельно вот что добавила:

— Я вообще, вообще, — тут она даже переиграла на этом вообще, как будто специально сбилась. — Не виновата совсем. Просто мы поспорили с подругами, и нужно было позвонить и сказать бывшему, что соскучилась. Так что я тут ни при чем. Это спор такой. Не по-настоящему. Во-от.

Я вышел на улицу, прогулялся, подтянулся, не знаю даже сколько раз, не считал, на дорогу смотрел, на остановку, на людей, которые туда вышли, на маршрутку, что отъехала. Сколько-то раз вверх-вниз сделал. Вернувшись домой, сказал в иконку микрофончика приложения телеграм:

— Я дам тебе в рот с ноги, если встречу. Ты — ниже животного. Как насекомое, может, или бактерия. Никто такого злого обращения не заслуживает, даже я. Так нельзя с людьми. Даже если тебя пиздил твой хахаль, он делал это совершенно верно. Заслужила.

Хотя, конечно, это было неправдой, никого бы я не пнул. Поцеловал бы ей руку и сказал: живи дальше и твори добро, как ты и делаешь, детка. Несколько дней я болел и просил у бога репа помощи. Он, как мне показалось, отвечал что-то про ремесло, про вечный уход, про наше смутное время, про то, что есть дела поважнее всей этой мелкой возни и межполовых отношений. В какой-то момент моя толстовка Антихайп залетела в окно первого этажа, а еще — я писал в телеграмме, что приболел, и она до сих пор не отписалась — залетели лекарства. Лекарства

я не принимаю, могла бы и запомнить. Выкинул их обратно, тут же выглянул, увидел удаляющийся зад, неродной, недалекий, неблизкий, немного обаятельный, слегка рассыпчатый. И этот Приус, и она в него села, уехала, а я пролечился голодовкой и потом постоянно их считал, эти серебристые Приусы, и было ощущение, что вот-вот увижу цифры ее номера, Вероникиной тачки, но не видел среди сотен и сотен Приусов города.

Похмельное счастье как разновидность самообмана. Мы обнимались с Д., занимались любовью, и я был уверен, что на этот раз она точно забеременеет, что мы будем вместе, великое слияние случится. У нее в съемной комнате заживем, в старом доме в центре Петербурга. Здесь я чувствовал себя на своем месте. Я знал, я знал, думал я, я ведь всегда знал это, знал, что есть женщина, на которой я женюсь дважды, и вторая женитьба будет важнее первой, и это будет брак, заключенный на небесах, я знал, что это будет она, поэтому уже столько лет люблю ее, всегда хочу вдыхать ее запах, и всегда в мыслях возвращаюсь к ней. А то, что мы уже развелись, это ерунда, это ведь я знал, еще когда в детстве смотрел фильм с Алеком Болдуином и Ким Бессингер. Когда Д. рассказывала о своих делах, об ингредиентах веганских сырников, она казалось мне взрослой, новой, умной. Такой я ее еще не знал. Я попробовал в это утро ее классические веганские сырники, потом попробовал томатные, потом попробовал матча-сырники. А потом она рассказала, что некий благодетель подарил

ей огромную упаковку копченого тофу — для ее кулинарных дел. Просто благодетелю показалось, что это дело очень важное — веганские сырники. Теперь она разносит их по кафе, теперь она на пороге тех времен, когда выйдет в плюс и сможет кормить себя, да еще и помогать маме.

Полдня я думал, что смогу соскочить, ел яблоки, ел тофу, политый острейшим красным соусом. Но в обед ломка стала невыносима.

— Мне все-таки надо сходить за сидром и прогуляться, — сказал я.

В дверях мы поцеловались, как будто у нас пик романтических отношений, и каждая минута друг без друга будет отмечена печатью тоски по второй половинке. Спускаясь по лестнице, подумал, что можно написать или позвонить Ричу, который живет тут рядом. Но решил сперва зайти за сидром. Вышел с Баскова переулком на улицу Маяковского, взял в росале литровку сидра, вышел-пригубил. Почувствовал: надо повернуть башку влево. Я угадал.

— О, здорово!

— Привет! Привет, Рич, привет, Клим!

Это Рич вышел прогуляться со своим сыном навстречу моему взору из соседнего с росалом подъезда. Рич держал его за руку, своего четырехлетнего пацана, и такой естественный тандем у них был, что я сразу позавидовал. Возможно, сейчас один из моих сперматозоидов, несмотря на некоторые сомнения врачей (год назад я сдал спермограмму, там было написано много слов: номоспермия, олигоспермия, нормозооспермия, олигозооспермия, гемоспермия, азооспермия, аспермия — черта — бесплодие) пробирается к яйцеклетке Д. Во всяком случае, я был готов на это надеяться, хоть и не был готов требовать такого у Вселенной.

— Не зевай, Клим. Поздоровайся с Женей.

Клим протянул мне руку и спросил, как дела. Да ничего, твоими молитвами. Мы зашли в кофейню, и Рич взял кофе, мне и себе. Я чередовал кофе и сидр. Становилось легче.

— Я когда иду с бодуна гулять с Климом, то все вокруг вертится, — говорил Рич, — трясется, и ты в этом ебучем неврозе. Я теперь понимаю, почему отец мог распахнуться на пустом месте. Он же постоянно был с похмелья.

— А ты спрашивал у отца, зачем он тебя сделал?

— Ага, конечно, спрашивал. Он сказал: сынок, я тебя сделал, потому что мне было одиноко.

— Хороший ответ. Также я своему буду отвечать.

— Согласен, что отец еще мог сказать?

В заведении сидеть было нельзя из-за ковидных ограничений, и мы, несмотря на ноябрьскую прохладу, сели за столиком прямо на улице.

— Ты мне как-то сказал, Рич. Что если в девушку нельзя кончать, то и не надо быть с такой девушкой. Вернее, ты не сказал, а написал, полтора года назад, кажется.

— Да, я помню.

— Так вот, я тогда подумал, что это шутка. Ну так нельзя рассуждать, таким нельзя быть. Но сегодня, когда был с Д. в постели, понял, что это не шутка, что это и есть смысл отношений. Мне вообще кажутся они очень порочными, отношения, если они строятся на обоюдном быте и прочке.

— Смешной ты человек. Клим, дай попробовать.

Клим протянул отцу ложку, и тот съел кусок пирожного.

Рич продолжил:

— Смешной ты человек, Алехин. Написал десять книг, а такие простые вещи не понимаешь.

— Ну, видишь, все-таки понял.

— Будь с Д., — сказал он. — Будь с той, кто делает тебя лучше.

Я рассказал, что почти до 30 лет мы с отцом даже не говорили, что любим друг друга, и потом пришлось продать его, чтобы такое услышать.

— Хорошо, что все-таки удалось, — сказал Рич.

Простился с ними и пошел прогуляться дальше по району. Что-то крутилось в голове, старая поговорка: не учи отца ебаться. Один раз я обыграл ее в раннем рассказе. Мне казалось, что в ней есть некая огромная мудрость, но я не мог ее постичь. Когда я допил сидр и купил себе маленький бутылек егермейстера, встал в каком-то дворике и быстро выпил, — эта мудрость раскрылась мне. Я смотрел на обоссанную стену, вдыхал подмерзший гнилой запах Петербурга, когда допетрил, что я все еще девственник. Мужчина перестает быть девственником только тогда, когда от него беременеет женщина. Пусть у меня был вагинальный контакт с трехзначным числом девок, но это была простая дрочка вне зависимости от того, использовал я гондон или нет (как правило — нет). Может быть, я созрею позже, может быть, я еще подросток. Поскольку моя жизнь будет длиться как минимум 204 года, вполне может статься, что мои сперматозоиды ведут себя как подростковые, как будто половое созревание еще не произошло. Этого умения, оплодотворять, у меня еще нет. Какая разница, какой диагноз пишет врач, я помню того деда-дурака. Он мне помимо этого диагноза еще дал крем, мазать веки, от которого только усилилась аллергия. Есть ли смысл, что написал на листке дед, который уже и жить-то разучился? Есть какие-то другие вещи, они раскрываются сейчас. Остальное позже придет. Есть, может быть, талант музыки, может быть, умение вдохновлять друзей, хотя бы изредка. Пусть все это не совсем связано с осязаемым, с производством людей, с убийством людей, с властью, с настоящим животным существованием в моменте. Пусть мое собственное бытие призрачно, так как я умер. Умер, будучи девственником. Но я обрету тело, если это понадобится.

Так я и плююсь сейчас в эту стену, уже воображаемую. Ожидая там разглядеть смысл собственного текста и тех слов поэтессы, с которых начал. Я никогда не пользовался ее методом, не заглядывал в последнее предложение. Только если это касается книг, которые уже читал прежде. Чтобы подтвердить впечатление или опровергнуть, тогда я еще мог заглянуть в последнее предложение. Но смотреть разгадку, тем более если дело касается не столько интриги, сколько языка, все равно что сдать, что отрезать его себе. Лишить себя важнейшего в жизни, лишить себя нити волшебства, которой сшиты куски жизни; мечты, которую может дать только литература в том своем виде и в той внезапной хронологии, которую знает и чувствует только автор. Он слышит пульс и пишет жизнь в уникальной последовательности.

Через несколько дней я оказался в рехабе. На соседней койке спал, издавая внушительный храп, подобный гулу самой Земли, старенький мужик. Работал телевизор. Лекарства еще не дали, алкоголь уже не брал. Я пил целый день, но голова только разгонялась. В ней происходило что-то вроде психоза, и все мои многочисленные личности занимались своими делами одновременно, а время текло через меня в разных направлениях, и в мозгу возникали миллионы этюдов, в которых я был вынужден быть всеми персонажами одновременно. Шла телепередача про выкидыши и аборты, отчего возникала дилемма между говном моего внутреннего хаоса и дерьмом внешнего упорядоченного мира.

— Пожалуйста, нет, нет, — бормотал я в отходняке. — Верните мою ойкумену.

Пришла медсестра и стала подсоединять ко мне капельницу.

— А можно выключить эту хуйню в стене? Верните меня, не могу, в стене хуйня, едет крыша.

— Телек, что ли? Конечно, выключу. Не волнуйся, малышок.

Она не смогла найти пульт, поэтому просто выдернула вилку из розетки. Пустили что-то по вене. Дали таблеток, дали запить водой.

— Сейчас отпустит.

Медсестра положила ладонь на лоб.

— Ой, спасибо, и жены не надо. Кто рядом будет, тот и закроет веки.

— Что ты такое говоришь. Приедет жена, и друг, и мама, всем скажем, кто надо, тот и приедет. Проспишься, позволишь, приедут к тебе.

— Ой, спасибо.

Я уснул и проспал, кажется, неделю или две, или даже больше. Очень смутно помню, вроде как продолжал жить и работать, но записывающее устройство не было включено еще долго.

VII

— Ну что, Жука, ты теперь крутой? — спросил Миша.

— Что? — удивился я. Вот в эту секунду я родился. Знал, что такое рюмки, что такое еда, знал имена моих друзей: Миша и Тимофей. Этим знания о мире ограничивались. — Крутой?

— Бабу трахаешь. Крутой, что ли, стал?

Кажется, полминуты я смотрел на него, пока он не разъяснил.

— Я вообще-то пришел сюда с тобой и с Тимохой выпить. А ты просто взял ее за руку, увел в комнату, и там три часа по ней ползал.

— О чем он вообще? — спросил я у Тимофея.

Тимофей налил самогонки:

— Некрасиво, Жук.

— Простите.

Мы выпили, но Миша продолжал ворчать. Мне вдруг показалось, что будет очень остроумным поднести правый кулак к своему подбородку, приставить левый к нему, вставляя невидимую рукоятку, а потом покрутить ей, чтобы потихоньку выдвинулся средний палец, и тем самым я бы предложил Мише отвалить.

— Он совсем охуел, похоже!

Миша встал, схватил меня за грудки и потащил в коридор. Тимофей прыгнул за нами:

— Стоять, стоять! Жук, хуле ты его провоцируешь?

— Прости, прости.

Миша уже обулся и вел меня в подъезд, как я понимал, хотел дать мне по лицу в воспитательных целях. Но Тимофей вклинился между нами и успокаивал.

— Все, он больше не будет. Все хорошо. Щас мы его уложим ненадолго.

Тимофей завел меня в гостиную комнату и сказал:

— Полчаса полежи. Не вздумай вставать раньше.

— Хорошо, отец родной.

— Не паясничай, Жук. Ты перебрал.

— А можно игрушек взять?

Я лежал, обнимал мягкую игрушку младшей сестры Тимофея. Было хорошо. Потихоньку и вспомнил. Сперва о том, что у меня была девушка — Элеонора. Одному в темноте стало хорошо от этого знания. Потом я вспомнил, что у нас, наконец, получился секс. Тогда я уже вспомнил, что она приезжала сегодня — поздравить меня с 23 февраля, а Тимофей сказал, что у нас мало самогонки, и дал мне каких-то таблеток. Я никогда в жизни не миксовал алкоголь с таблетками, но при Элеоноре хотел выглядеть опытным наркоманом. Поэтому съел четыре колеса корректора или транквилизатора, что это было? Запил рюмкой самогона. Миши тогда еще не было, кажется. Или уже был? Когда он пришел, таблетки подействовали очень хорошо. Я вообще не волновался. Мы ушли в комнату к Тимофею, и у меня все работало, тело подчинялось мне. Я мог чередовать позы, и мне все время было хорошо и смешно. А потом я шел с Элеонорой на остановку.

— Спасибо, что приехала. Мне никогда не было так хорошо.

— Ты же не кончил?

— Зато ты кончила. Не всем же мужикам надо обязательно кончить.

Элеонора подумала и сказала:

— А мне больше понравилось на День рождения.

— Но тогда ты же не кончила?

— Не всем, — она то ли умышленно, то ли случайно не употребила слово женщина. — Надо обязательно кончить.

Она так легко засмеялась, и я понял, что и сегодня все-таки ей было хорошо со мной. Перед тем, как сесть в маршрутку, она сказала:

— Поздравляю с международным мужским днем.

— А? — я затупил, не понимая, это шутка или нет. — Он же День защитника Отечества называется.

— Это женский день — международный, ты чего, Элеонор.

Я смотрел через стекло автобуса, как она, улыбаясь, и, кажется, еще смеясь, отъезжает. Помахал ей, и она помахала мне. Так и не понял, она смеялась над своей ошибкой или над тем, что я не понял каламбура. Никогда не понять мне этих полутонов. Автобус отъезжал во тьму, окна его светились.

Сегодня 31 декабря, канун 2022 от РХ — года, который я встречу в одиночестве. Такого еще не было со мной, трезвость в новогоднюю ночь стала нормой, 2019 и 2020 вообще проспал, но чтобы совсем одному — так праздник Новый год еще не встречал. Мне нравится поговорка, что гласит: как встретишь, так и проведешь. Я готов провести за служением ремеслу еще один (и не один) год. Одиночество стало приносить удовольствие. У меня есть нюдсы Дианы, есть с собой фотик, который я целую перед сном, как родного сына, есть книга, что пишется, и музыкальный альбом, над которым мы с братьями работаем дистанционно. Но главное, что есть, — море.

Несколько дней назад нашел, наконец, лазейку в старом городе, когда проходишь мимо длинной стены, перешагиваешь через колючую проволоку. Справа у них

огороженный порт, и нечто, что зовется Милитари Арена, слева последние гостиничные пляжи. Потом всего лишь метров 300 — и вот он фрагмент великого мира; за диким пляжем скалы, с которых можно нырять, и никто тебе не мешает. Снизу — синева, сквозь которую не разобрать глубины, но ясно, что она внушительная. Плынешь аккуратно, стараясь вежливо поздороваться с душой Красного моря. Вчера я видел там рыбу размером с мою руку, когда плыл, я даже легонечко дотронулся до нее. Может быть, не так это и сложно — рыбачить копьём?

Браслет в гостиницу я уже хотел было выкинуть на днях: разрезал ножиком и скинул в пакет. Но когда мобильный интернет закончился на 5 гигабайтах вместо обещанных 20, то достал из мусорки и запалял с помощью огня над газовой плиткой. Не люблю я халяву, никогда не стремился к ней, но надо было хоть как-то отыграться перед страной, что так унижает нас, белокопых. Поэтому еще продолжал ходить на завтрак, но сегодня закончил. Сегодня съел свою первую египетскую овсянку с орехами, авокадо и изюмом.

Вчера после купания я сказал себе, что преодолею робость и закажу фалафель в открытом местном кафе. Хотел взять на вынос, пристроился в очередь, к кассе, но меня опережали стремительные арабы. Будто я бесплотный дух. Паническая атака начала зарождаться, робость прикрывается нелепой гордостью, а страх торжествует. 20 минут я ходил по тротуару рядом, и когда в глазах потемнело, я понял, что нужно сделать решительный шаг: или ехать домой, или сесть за столик. Я сел за столик. Никто не обращал на меня внимания, вокруг были местные. Многие аппетитно ели. Две женщины в черном и с покрытыми головами пили фреш. Вспомнил, что в выпускном классе, когда приехал в далекую сельскую больницу с сотрясением, не смог обозначить себя в очереди к неврологу. Стоял

среди бабок и дедов и призывников, но не получалось открыть рот, и так текли часы, пока я не вырубился от напряжения, свалившись на пол. После этого меня приняли вне очереди, дали понюхать нашатырь и сразу же госпитализировали. Сработало. Но казалось, что я шарлатан.

Взглядом я нашел человека, через которого можно делать заказ. Спустя 20 лет у меня получается лучше. Правда, проблема все же возникла: объясниться у нас получилось не особо хорошо, и я ел фалафель с картошкой, но без салата и соуса.

Сегодня, когда текст будет прочитан и отправлен первым друзьям-читателям, я доеду туда и закажу легендарную порцию, да будет так! Потом пойду гулять вечером и, может быть, даже выпью банку пива или маленькую бутылочку крепкого на берегу, отдавая последнюю дань Бахусу, освобождаясь таким образом из рабства. Но могу и не выпивать, какая разница. Почитаю дневники Юнгера с электронной книги или же сборник рассказов товарища Александра Снегирева, который сейчас у меня в издательской работе. Потом нужно провести стрим, собрать денег и купить уже обратный билет. Как минимум недели две я еще здесь, а потом в Москву. Не забыть нырнуть в пару бассейнов, продолжать делать снимки котов, котятков, кошечек. На территории их много, и они все меньше меня боятся. Это не ружье, а фотоаппарат, говорю я, с портретным объективом. Ваши внимательные мордочки тоже часть большой мозаики.

31.12.2027

Ar

ПРИЛОЖЕНИЕ

СТИХИ ПО ДОЛЛАРУ

1

Нет вайфая,
но есть шесть бассейнов.
Кондиционер не работает на подогрев,
а плиту не смог включить,
зато бойлер греет за три минуты.
Когда поставлю точку,
выйду во двор,
скажу:
привет,
коты!
Под их недоуменные взоры в бассейны,
один за одним,
окунусь.
Как пловец писателя Джона Чивера,
через мир к самому себе
(то есть к ничто)
проделаю путь.
Привет,
соседи! —
и загляну в маленький бар в параллельном дворе.
Привет,

славяне и египтяне.
Готовьте праздничный саркофаг!
У меня Новый год без никого...
Подали мой кофе.
Кажется,
он не лучше того растворимого,
что подают в ресторане гостинки.
Но,
надеюсь,
этот стишок возместит затраты.
За сегодня и за последующие четыре дня.

Гул самолета в ночи,
страх и радость побыть одному.
Открыться другому масштабу порока,
добавить,
например,
кусочек сахара в свой напиток.
Или доест за случайной —
на одну лишь трапезу —
знакомой кусок грудинки.
Прошрое, уходи,
и я ухожу от него вдоль пляжа.
Ищу единения с морем,
пока темнокожий жирдяй не выскакивает
и не начинает махать руками:
у тебя,
мол,
ключей нет от той территории,
брат!
Убирайся или ищи в своих шортах валюту.

День отличный,
супердень,
гипердень,
но мухи садятся прямо на пальцы рук,
на лицо и клавиатуру,
пока жду свою картонную чашку арабского.
Не могу уйти отсюда,
не превратив обиду в злость.
А злость в пустоту.
Работаю с этим,
прорабатываю,
как говорится.
Радиомолитва играет,
пытаюсь, как штангу, сперва поднять со дна души ярость,
потом превратить в цветок и закинуть в небо,
и лепестки упадут обратно,
но исчезнут,
не коснувшись бетона.
Растворить свой ответ на подлость в полуденном зное,
выкашлять,
выпердеть.
Выстоять раунд.
Попоститься, и впитывать новую жизнь.
Дорогие друзья!
Но почему,
почему никто не поддержал меня в день,
когда Д. написала этот обоссанный пост в инстаграме.
Каким мудаком бы я ни был,
я же дружочек ваш,
верный и добрый.
Даже фотоаппарат мне сказал:
крепись!

Даже ноутбук прошептал:
ну и хуй с ней,
сама себя душой выставила.
Даже толстовка Эдвин обняла меня и сказала:
я знаю,
что ты хороший,
хоть и дурак.
Мигнул телефон:
это всего лишь баба,
которую ты сам превознес до небес,
малыш.

Тайник найден,
шел,
и шел,
и шел,
мимо привет превеет браат бро бразер и мимо сотен тел.
Делал снимок за снимком.
А потом там была дыра в бетонном заборе.
Прошмыгнул,
перескочил через колючую проволоку
и попал на прекрасный пляж.
Каменистое дно обрывалось резко,
и ты как бы летишь над голубой лагуной,
под собой видя внезапную глубину и цветистых рыб.
Вчера я воткнул флаг на этой прекрасной луне,
а сегодня там 200 флагов,
и 200 трубок,
и 400 ласт.
Но,
может,
просто такой неудачный день?
Вот бы завтра эти паломники разбежались все к черту,
если даже ценой песчаной бури и иссохшего моря!

Слышал или читал,
 что поэты как ангелы,
 подпевающие своему времени.
 Но я не знаю повестки дня,
 не собирал подборку актуальных мемасов.
 Спиздил ручку в местном фикспрайсе,
 и мне по кайфу.
 Иллюстрацией случайно попал
 в пошлый расхожий приколы,
 ну и ладно.
 Мы идем по минному полю,
 олигархи —
 мусор,
 а комики в наши дни весят много,
 и даже прогресс повернул свое неуклюжее тело вспять.
 Бойтесь нас,
 шутов и юродивых!
 Каждый наш шаг к продуктовому тоже слово,
 тоже узор грандиозной молитвы,
 что-то волшебное,
 выходящее за пределы любой карты плоского,
 круглого или квадратного мира,
 вашего понимания,
 насекомые вы бестолковые.

ПЛЯЖНЫЙ БОМЖ

неприятный запах
изо рта водителя
так силен

что возникло чувство
будто эта вонь
моя собственная

как ни стараюсь
все равно почти всегда
хлопаю дверью чуть сильнее
чем следует

беру маленькую бутылку
и прихожу любоваться
самым красивым в мире
пляжным бомжом

вышагивает в трусах
наслаждаясь лучами
по этому золотому застывшему
в ожидании мороза дню

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЛ-MUSIC», 2022
Е. Алехин, 2022

редактор — *Илья Леутин*
корректор — *Наталья Давыдова*
иллюстрации, обложка — *Chonyatsky*
верстка — *Вова Седых*